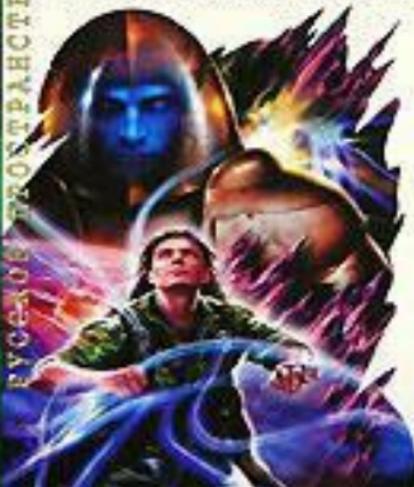

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

**РЕЛИКТ:
АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК**

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий Головачев
Закон перемен
Серия «Реликт», книга 6

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122735

Реликт. Абсолютный игрок: Эксмо; 2007

ISBN 978-5-699-17545-1

Аннотация

После тысячелетия затишья в Космориуме, где жизнь чудом сохранилась в войне с Фундаментальным Агрессором, начинается новое сражение. Игроки выходят на арену и расчищают поле для будущей Игры. И в их планах нет места тупиковой ветви разума – человечеству. Десять веков назад право людей на жизнь отстояли файверы, но они ушли. Теперь из их преемников на Земле – один Влад Велич, кладоискатель и ратный мастер, только что вышедший из поры ученичества. Его выбор, его судьба станут судьбой всего межгалактического домена.

Содержание

Часть первая	4
РАНДЕВУ С РОИДОМ	4
ТОТ МУДРЫЙ	16
НЫРОК В ЧУЖУЮ	35
ТИБЕТ – МЕРКУРИЙ	56
МЕРКУРИЙ – СОЛНЦЕ – ЗЕМЛЯ	77
УРОВЕНЬ-5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Василий Головачев

ЗАКОН ПЕРЕМЕН

Вселенная не только более необычайна, чем мы себе представляем, она более необычайна, чем мы можем представить.
Дж. Холдейн

Часть первая

ИНФЕКЦИЯ ЗАКОНА. СТАВР ПАНКРАТОВ

РАНДЕВУ С РОИДОМ

Он всплывал к свету сквозь толщу воды медленно, нехотя, как воздушный шар, подцепленный к тяжелому грузу; шаром была голова, а грузом тело. Вокруг становилось все светлей, тьма отступала, в темно-зеленой водной толще появились золотые прожилки и хороводы искр, холодные глубины остались внизу; потеплело. И наконец наступил момент, когда он вынырнул на поверхность океана беспамятства, не сразу осознав, что лежит на мягкой кровати под легчайшим пуховым покрывалом.

Не открывая глаз, он оценил обстановку и понял, что находится в знаменитом бункере Железовского, в одной из комнат отдыха. Кто-то наблюдал за ним, сурово и пристально, пока не выяснилось, что это медицинский инк. В соседнем помещении под аккомпанемент музыки спорили двое. Как только Ставр попытался определить личность спорщиков, один из них тут же прервал речь и появился у постели больного. Это была Видана.

«Очнулся, эрм? Слава Богу! Как самочувствие?»

В насмешливом тоне девушки проскользнули радостно-тревожные нотки, и стало понятно, что она беспокоится о состоянии Панкратова и одновременно сердится на себя за эти чувства.

Ставр открыл глаза и невольно окинул девушку взглядом; одета она была не в обычный уник, а в платье по моде «интим-момент», больше открывающее, чем маскирующее фигуру.

«Ну, как наш больной?» – вошел в комнату собеседник Виданы, отец Ставра. Вот его-то уж он встретить здесь не чаял и обрадовался по-настоящему.

«Живой, – сердито ответствовала Видана, тонко почувствовав перемену в настроении безопасника. – Ни одной скромной мысли, ни слова благодарности за уход, ни одного комплимента! Ухаживай тут за ним...»

«А я не просил».

«Жаль, что я согласилась остаться». – Видана выбежала

из комнаты.

«Что это с тобой? – спросил Прохор, внимательно глянув в глаза сына. – Зачем грубишь девочке? Она ведь действительно провела возле твоей постели двое суток».

Ставр помолчал.

«Когда с ней говоришь строже, она лучше соображает, держит себя в форме».

«Вообще-то в таком тоне разговаривать с девушками не стоит, а тем более на грани фола. В какой-то момент она просто перестанет воспринимать тебя всерьез, ты станешь ей неинтересен. И ради Бога – не груби! Если бы я хоть раз пошутил в таком тоне с матерью, сын у меня вряд ли бы появился».

Ставр хмуро улыбнулся.

«Ладно, па, я постараюсь. Может быть, ты прав. Какие новости в мире? Неужели я провалялся без памяти двое суток? Хорош эрм!»

«Пси-удар был слишком мощным, таким мощным, что сторел даже твой «защитник», приняв на себя часть разряда».

«Постой, ты о чем? Неужели... Фил?! Филипп-Филиппок, вечный надоеда... погиб смертью храбрых. – Ставр расчувствовался. – Зачем я его с собой взял! А что с Мигелем?»

«Мигель тоже получил нокдаун, но благодаря опыту перенес его легче и уже работает. Хвалил тебя. Сказал, что, если понадобится, снова пойдет с тобой в разведку».

Ставр порозовел, отвернулся. Потом поднялся на ноги, нашел в нише свой уник и стал одеваться, не обращая внимания на реакцию медицинского инка, приказывающего больному немедленно лечь и принять укрепляющее.

«Укрепляющее ты все же прими, – посоветовал Прохор. – А я пока перескажу новости, по большей части невеселые. База ФАГа, вернее, запасной командный пункт – по терминологии Грехова, – из Фэтона исчезла...»

«Грехов объявился?» – поднял голову Ставр.

«Не перебивай. Грехов спас вас обоих. Именно по его подказке мы вышли на Леонида Жученка, который не устоял под натиском и сообщил код метро базы. Еранцев, к сожалению, ускользнул и уже после всех событий сформулировал приказ: «Интраморф Ставр Панкратов обвиняется в терроризме и подлежит задержанию любыми средствами». Так что ты теперь во всемирном розыске. И никто, а тем более люди-нормалы, не станут разбираться, прав ты или нет».

Ставр, надевающий туфли, сел на кровать, присвистнул.

«Круто!»

«Бойся тебя Еранцев, мальчик. Но твоя беда не самая главная. Интраморфы уволены со всех постов, кроме, пожалуй, отдела безопасности, да и то лишь потому, что эмиссар считает Мальгрива, да Сильву и кое-кого еще своими помощниками, а твоего деда Ратибора держит в качестве прикрытия. Велизар вынужден был подать в отставку, и, хотя отставка не принята на Соборе, исполняет обязанности архон-

та Всевече его третий заместитель, ученый-глобалист Арсений Исаев. По оценке Велизара, подверглось глубокому зомбированию не менее пятидесяти процентов властных структур, что, естественно, будет способствовать блокированию всех разумных решений, направленных на выход из кризиса, и прохождению законов, выгодных ФАГу».

Ставр выпил предложенный медкомплексом стакан тоника и снова сел. Лицо его было неподвижно, однако Прохор чувствовал, что в душе сына бушует буря.

«Это все, что касается социума. Жить на Земле стало сложно, и паранормы снова потянулись в космос. Покинуло Систему еще не менее миллиона человек, то есть почти половина всех инакоживущих, и процесс не останавливается. Хорошо еще, что нас не отстреливают, как зайцев.

Теперь о внешних событиях.

Тартар решил проблему нагуаля, хотя и по-своему, то есть стряхнул его с себя или, вернее, себя с него. Роиды тоже повторили этот маневр, что сделать им было легче. Несомненно, их действия не решили проблемы в корне, а значит, и они не знают, что делать. Во всяком случае, повторять опыт Степы Погорилого никто не решился, а слуги ФАГа еще не дошли до этого, иначе уже попробовали бы взорвать нагуали таким манером. Кстати, Артур Левашов, – Прохор помолчал, прислушиваясь к чему-то, – исчез».

«Убит?!»

«Нет, просто пропал без вести. Обойма прикрытия кон-

статировала исчезновение когга начальника погранотряда во время встречи с одним из роидов конвоя. Левашов готовил эксперимент, втайне от всех, разумеется, и, дождавшись возвращения одного из чужанских конвоев, торпедировавших нагуаль, отправил свою машину на замыкающего роида. И исчез!»

У Ставра загорелись глаза.

«Это означает одно: Артур нашел решение! Он теперь там, внутри роида!»

«Ты думаешь? Мы тоже надеемся, что это так. Роид вернулся домой как ни в чем не бывало и ведет себя спокойно, ни в какие конвои больше не встречается. Мигель в связи с этим хочет встретиться с тобой, он тоже занимался изучением континуума чужан и подошел к решению достаточно близко».

«Нам надо было объединиться, а не решать задачу порознь. Но если Артур смог... ах, черт побери, где же он увидел решение сингулярной точки? Какую калибровочную метрику применил?.. Дальше, дальше, отец!»

«А что дальше? Все. Нагуали продолжают расти, разбрасывая во все стороны свои иглы-нити, которые, соединяясь, образуют странные объемные паутинные поля, сквозь них не может пробраться даже мышь. Рост вакуумных флуктуаций возле нагуалей приводит к удивительным эффектам, вакуум «шатается», «кипит» и «вздрагивает». К чему это может привести, может сказать только Господь... или Ян Тот. Кста-

ти, Грехов посоветовал тебе с ним встретиться».

Ставр очнулся, недоверчиво взглянул на отца.

«Ян не пожелал разговаривать даже с Баренцем... да и кто знает, где он живет? Я, например, не знаю».

«Я тоже не знаю, но, думаю, друзья Габриэля тебе подскажут. Слтай к нему домой и поговори с Диего. И вот еще что. Мы собираем экспедицию на поиски серых призраков, Сеятелей то бишь, возможно, ты войдешь в ее состав».

«Эту мысль вам тоже подсказал Грехов?»

«Ты имеешь что-нибудь против? Нет, эту мысль высказала Забава Боянова, бабка Виданы, будучи уверенной, что Грехов поможет. Ситуация складывается так, что без помощи извне нам не обойтись».

Ставр некоторое время разглядывал пол под ногами, потом встал и стремительно вышел. Прохор задумчиво смотрел ему вслед, с улыбкой покачал головой, услышал голос сына из соседней комнаты:

«Извини, Дана, я был очень не прав. У твоего деда где-то здесь было шампанское. Давай выпьем по бокалу за успех безнадежного дела...»

Остальные слова заглушил поцелуй, и Прохор на цыпочках пошел к метро...

Дом Грехова встретил его тишиной, приятными запахами и атмосферой сосредоточенной деловитости.

«Проходи, эрм, – раздался в прихожей голос Диего Вирта,

открывшего дверь без всяких уточняющих вопросов, хотя Ставр изменил внешность и узнать его было трудно. – Тут тебе записка оставлена».

Ставр помимо воли заглянул в спальню Грехова, задержался было в гостиной, увидев на диване какой-то длинный сверток фольги, но гостеприимством решил не злоупотреблять и прошел в кабинет хозяина, где его ждал инк.

«Запиской» оказался адрес Яна Тота, проживающего, как оказалось, в Мексике, в одном из вновь воссозданных городов исчезнувшей цивилизации майя Теотихуакане. Кроме того, Грехов просил передать Яну посылку, тот самый сверток из фольги. Против передачи Ставр не возражал, однако во встречу не верил. Пробормотал:

«Почему он так уверен, что Тот Мудрый меня примет?»

«Потому что необходимо создать новую организацию, не имеющую аналогов среди ныне действующих и не подверженную коррупции и предательству».

«Контр-3», что ли?»

«Называй ее как хочешь. Информация, которую ты получишь от Яна, поможет тебе сориентироваться».

Ставр потоптался у мигающей огоньками колонны инка. Можно было уходить, он получил все, что хотел, но какая-то трудноуловимая мысль не давала покоя, пока он ее не сформулировал:

«Диего, извините... не знает ли Габриэль, где искать Сеятелей?»

Инк некоторое время задумчиво молчал, потом «покачал головой»:

«Этого я не ведаю. Но, может быть, его приятель Морион знает?»

«Кто этот... Морион?»

«Я его сейчас позову».

Через несколько секунд в глубине дома раздался всхлип, будто из трясины выдернули бегемота, затем послышались тяжелые, сотрясающие дом шаги, и в кабинет вошла странная фигура – двухметровая черная глыба, похожая на обломок скалы, до середины от пола закованная в золотистую многопластинчатую броню. Верх черной глыбы непрерывно «дышал», то есть сыпь кристаллов на ней медленно меняла форму, как и сами кристаллы и весь объем «скалы». Но главное, что от нее исходила волна «живой» уверенности и силы в сопровождении целого пакета нечеловеческих эмоций. Это был роид, чужанин, неизвестно каким образом попавший в дом Грехова.

С тихим шелестом в голове Ставра расцвел «кочан капусты», листья которого после недолгих конвульсий сложились в огненную надпись без точек и запятых:

«Приветствие здесь очень звать Морион дружение Габри приятность».

– М-м-м, – ответил Ставр, быстро поправился:

«Я вас тоже приветствую... э-э... Морион. Я друг Габриэля (надеюсь, не враг, м-да...) и хотел бы выяснить одно важ-

ное обстоятельство. – Панкратов спохватился, что мыслит слишком быстро. – Вы меня понимаете?»

«Мы понимать, – был ответ. – Что есть интерес?»

«Серые призраки... то есть Сеятели... где их можно найти?»

Снова затрепетали, складываясь в слова русского языка, огненные ленты:

«Они далеко есть много-много-много далеко позвать невозможность необходимость полет струна».

«Значит, вы не можете сообщить координаты?»

«Точность неизвестность где есть позвать возможность полет я знать возможность полет сейчас».

«Он зовет тебя с собой», – хмыкнул Диего.

«Прямо отсюда?! – Ставр ошеломленно перевел взгляд с глыбы чужанина на Диего. – Но мне необходимо... о, черт! И на чем же мы полетим? И как долго продлится полет?»

Чужанин встопорщил кристаллики «кожи», переступил с «ноги на ногу» – глухое тумм! тумм! – но промолчал. Вместо него ответил развеселившийся Диего:

«Полет – не совсем корректный термин в данном случае. Чтобы достать Сеятелей, надо проникнуть в другую метавселенную. Хотя, возможно, потребуется и бросок по «струне» через пространство к точке перехода. Но я об этом знаю мало, поинтересуйтесь лучше у Габриэля». – Диего перешел на другой диапазон связи, что-то сказал роиду, и тот, не поворачиваясь кругом, затопал обратно.

Ставр пришел в себя, когда звук шагов чужанина стих в коридоре и «хлопнула» – с тем же мокрым хлюпающим звуком – дверь его «кельки», та самая, за которую когда-то заглядывал дед Берестов и его внук.

«Приходите, когда будете готовы, – сказал все еще улыбающийся Диего. – В этом доме три типа метро: наше, чужанское и Сеятелей. Какое-то из них и приведет вас к цели».

«Спасибо...» – Ставр хотел задать еще один вопрос, но не успел, ощутив знакомое «колебание» внутреннего пространства в голове, означавшее рождение Голоса Пустоты. Через мгновение рация «спрута» принесла новое изречение Голоса:

– Хорошее зеркало вызывает слезы, культуры...

– Вы слышали? – прошептал Ставр. – Чушь какая-то...

«Слышал. – Диего помрачнел. – Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления».

«Простите, не понял...»

«Всему свое время, юноша. До скорой встречи».

Все еще не пришедший в себя от встречи с роидом, а также сбитый с толку объяснением инка Ставр пробормотал слова прощания и вышел. Голос Диего догнал его уже у порога:

«Возьмите-ка лучше на конюшне машину Габриэля. За домом ведется наблюдение, и до такси вы можете не добратсья. А еще лучше воспользоваться метро. Коды выхода те же, что использует ваш отдел. А код входа сюда прочитаете в ка-

бине, но не записывайте – запомните».

Ставр молча повернул обратно. Записать код мог только терафим, но Фил погиб, а сообщать об этом Диего не имело смысла.

ТОТ МУДРЫЙ

Теотихуакан, знаменитая столица древнейшей цивилизации Центральной Мексики, располагался в пятидесяти километрах от Мехико в большой и плодородной долине и был построен индейцами еще в первом тысячелетии до нашей эры, а воссоздан почти в первоначальном облике к четырехсотому году третьего тысячелетия.

Его вид сверху был так живописен, что по молчаливому согласию спутницы Ставр остановил такси в воздухе, и они четверть часа любовались двумя пересекающимися центральными проспектами города – Дорогой Мертвых и Проспектом Жизни. Гигантские массивы Пирамиды Луны и Пирамиды Солнца, сложенные из альфабетонных блоков и облицованные нетесаным вулканическим камнем, с храмами на плоских вершинах, выглядели величественно и грозно, вызывая священный трепет овеществленной Истории. А обширный комплекс построек, возведенных на одной платформе у пересечения проспектов и объединенных под общим названием Сюдадела, что по-мексикански означает «цитадель», бывший текпан¹ правителя Теотихуакана, был поистине великолепен. В этом ансамбле сверкающих позолотой зданий выделялся храм Кецалькоатля – Пернатого Змея, покровителя культуры и знаний, одного из главных божеств

¹ Текпан – дворец (ацтек.).

местного пантеона. Храм, состоящий из шестислойного основания – каждая следующая платформа была меньше нижней – и пирамиды с балюстрадой парадной лестницы, украшали скульптурные изображения головы Кецалькоатля и бога воды и дождя Тлалока в образе бабочки. Это чудо древнеиндейской архитектуры можно было рассматривать часами.

К западу от Сьюдадела располагался еще один комплекс построек, но уже современных, хотя и стилизованных под пирамидальную готику древних сооружений. Именно там и должен был проживать Ян Тот, характер которого по отзывам укладывался в знаменитое высказывание Эрнста Теодора Амадея Гофмана: «Друзья утверждали, что природа, создавая его, испробовала новый рецепт и что опыт не удался»².

Полюбовавшись десятками пышных храмов и дворцовых сооружений по обеим сторонам проспектов, среди которых выделялись Дворец Кецальпапалотля, Храм Атетелько и Дворец Пернатой Улитки с их квадратными колоннами с низкорельефными изображениями божеств и животных, орлов и ягуаров, и красочными фресками, Ставр повел такси к кварталу Тепантитла. Грехов не дал точного адреса Тота, и теперь надо было искать его в поле Сил без особой уверенности, что их примут.

«Давай я попробую определить, где он живет», – предложила Видана. Волосы девушка уложила короной, отблески-

² «Крейслериана».

вающей драгоценными камнями, а уник-платье превратило ее в индейскую принцессу.

Ставру ее наряд нравился, хотя он подумал, что Ян Тот вряд ли заметит, во что одета гостя.

«Попробуй», – согласился он.

Видана сосредоточилась, откинулась в кресле. Такси медленно плыло над городом на стометровой высоте, обгоняемое другими аэрами и туристическими флайтами, трижды пролетело над открытыми барами, кафе и ресторанами, полными веселящихся посетителей. Точно такие же рестораны можно было встретить в любой части света, и Ставр невольно помрачнел, подумав: весь мир – ресторан! Он сознавал, что не прав, но в свете последних событий видел в разгульном веселье людей внизу открытый вызов ему и другим интраморфам, каждый из которых имел свое понятие об отдыхе, не связанном с ресторанным времяпрепровождением.

Минута истекла в молчании. Потом Видана вздохнула и неуверенно показала пальцем на одну из каменных пирамид на окраине массива Тепантитла.

«Здесь?»

Ставр, который давно уловил «запах» ауры Яна и запеленговал его, понимая, что Ян Тот сделал это специально не без просьб кого-то из общих знакомых, того же Грехова, отрицательно качнул головой.

«Он живет на севере, в баррио Сакуала. Видишь на холме белокаменный комплекс с миниатюрной пирамидой? Это

его текпан».

Видана смерила спутника уничтожающим взглядом, и Панкратов, чтобы предотвратить спор, вынужден был признаться в личном вызове. Озадаченная девушка примолкла, и такси совершило посадку в углу патио – прямоугольного внутреннего дворика, вокруг которого вздымались стены собственно владения Яна Тота. Аэр улетел, а они стали разглядывать архитектуру дома «с тылов», остановившись возле бассейна с хрустально прозрачной водой и ожидая появления хозяев.

Многокомнатные ансамбли, обрамлявшие патио с трех сторон, располагались на двухслойных платформах и имели узкие окна и двери, украшенные барельефами из светлого камня. Стены этих невысоких зданий были также облицованы разноцветными плитами тесаного камня, кое-где украшенными резьбой или фресками. Пирамидально-ступенчатые крыши зданий говорили о внутренних ступенчатых сводах, терракотовые статуэтки богов майя и животных, украшающие крыши, стоящие в нишах и по углам дворика, вносили завершающий штрих в гармоничность композиции.

Замыкался патио пирамидальным «храмом» высотой метров пятнадцать, который был точной копией Храма Надписей в Паленке. Пирамида состояла из девяти платформ, а венчала ее пятиоконная «усыпальница», к которой вела центральная каменная лестница в четыре пролета.

Ставр вдруг сообразил, что все здания, по сути, поверну-

ты к патио не тыльной стороной, а фасадом, а это означало, что к дому Яна Тота дороги не было. Дом стоял на крутом холме, и добраться к нему можно было только по воздуху.

Поскольку прошло несколько минут, а во дворе никто не появился, Ставр предложил Видане поискать хозяина, но не успели они сориентироваться, с какого здания начинать поиски, как на вершине «храма» появился человек в развевающейся от ветра оранжевой накидке.

«Поднимайтесь», – родился в головах гостей отчетливый голос.

Переглянувшись, они направились к лестнице и вскоре стояли напротив незнакомца, одеяние которого вовсе не было накидкой, а просто полоской кисейной материи, обмотанной вокруг груди и ниспадавшей складками с плеч на руки и бедра.

Человек был молод, высок, худощав, блестящие иссиня-черные волосы крылом падали на высокий лоб и волной ниспадали на шею, узкое лицо с прямым носом и смуглой кожей красноватого оттенка не выглядело хищным, но подчеркивало целеустремленность натуры, а черные глаза, слегка затуманенные внутренним диалогом или размышлениями, были полны внимания и силы.

Пауза затянулась. Ставр заметил, как Видана зачарованно смотрит на лицо Тота, и сделал шаг вперед. Он не был готов к тому, что Тот Мудрый не старше его самого.

«Здравствуйте. Примите наши извинения, но мы...»

«Я знаю. Приветствую элиту «контр-2» в моем скромном владении. Идите за мной».

Несмотря на жару и ясный солнечный день снаружи, внутри «храма» царили прохлада и полумрак. Узкий коридор, повернув дважды, вывел их в квадратное помещение со статуэтками по углам и с разрисованными стенами. Посредине помещения в керамической ажурной вазе горел огонь, хотя не было видно, что его поддерживало: ни свечи, ни деревянной щепы, ни блюда с маслом и фитилем внутри вазы гости не заметили. За вазой стояла чуть наклонно стела с иероглифической надписью, а под ней – каменная скамья, на которой буквально светилась полуметровой величины раковина, оправленная в золото.

На полу помещения красовался ковер с орнаментом из геометрических фигур, а на одной из стен висел гобелен с таким же рисунком.

«Моя келья для размышлений, – сказал Ян Тот. Заметив, что Ставр разглядывает стелу, добавил: – Здесь рассказывается о рождении Капайотля, моего прапрапрадеда в стопятидесятом колене, одного из правителей Йошчилана».

Тот откинул кисейную накидку на стене, скрывающую нишу, вернее, небольшой каменный склеп, жестом приглашая гостей войти.

«Склеп» оказался натуральным лифтом, доставившим их на «первый этаж» здания, в комнату, иллюзией видеопласта преобразенную в залитую солнцем веранду, зависшую над

гигантским, сказочной красоты каньоном. У вырезанной из камня балюстрады стоял столик и несколько легких кресел. Фрукты, конфеты и напитки возникли на столе как по мановению волшебной палочки, едва гости расселись по креслам. Ставр еще раз, более внимательно, присмотрелся к хозяину, пси-сферу которого абсолютно не было слышно, будто рядом с ними находился не интраморф и даже не человек вообще. Лишь изредка Ставр «хватал» высшие регистры пси-поля, созвучные с тем, словно где-то далеко-далеко играет музыка. Ставр понял, что полчаса назад, когда они искали дом Тота, Ян высветил свою ауру ему лично для пеленга. В противном случае они могли искать дом не один час.

В любом слое социума, в любые времена существуют интеллектуальные лидеры, элита не по званию или рождению, а по природе – философы, естествоиспытатели, художники, сказочники, поэты, писатели. Но лишь некоторые из них достигают высот духовного прозрения, дающих им власть ясновидения и абсолютного знания. Ян Тот, Тот Мудрый, относился именно к этим последним.

Поймав взгляд темных глаз хозяина, Ставр осознал, что в своей оценке не ошибается. Теперь он уже сомневался, что Ян Тот так молод, как выглядит.

«Итак, я вас слушаю», – прозвучал наконец выразительный пси-голос Тота.

Вопрос застал Ставра врасплох, и, чтобы не выглядеть в глазах – даже не Яна – в глазах Виданы мямлей, он бесстраст-

но проговорил:

«Я одержим подозрением о существовании иного порядка вещей, более таинственного и менее постижимого»³.

Ян Тот еле заметно усмехнулся, он понял, но ответить не успел, потому что вопрос задала Видана:

«Что такое нагуаль?»

«Бесконечно глубокая потенциальная яма, – ответил Тот Мудрый невозмутимо. – Но в нашем континууме этот объект обростает «шубой» вырожденной или, как ее назвали, Абсолютно Мертвой Материи. Не волнуйтесь, Ставр, наш разговор никто прослушать не сможет. – Ян странным образом уловил беспокойство спутника девушки. – Утощайтесь и не стесняйтесь задавать вопросы, ради этого меня и просили встретиться с вами».

«Кто просил?» – вырвалось у Ставра.

«Вы его не знаете», – был ответ, сбивший Панкратова с толку. Он приготовился услышать имя Грехова.

Видана, также ожидавшая другого ответа, не решилась задать следующий вопрос и принялась за фрукты, среди которых были и плоды жаботикабы, похожие на крупный виноград. А Ставр, задумавшийся над «простым» решением загадки нагуаля, вдруг поймал ответ на вопрос, мучивший его со времени эксперимента Степана Погорилого.

«Значит, Степан... просто «очистил» нагуаль... то есть «яму» от «шубы» вырожденной материи?!»

³ Хулио Кортасар.

«Абсолютно верно, – кивнул Ян Тот. – Вырожденная материя имеет как отрицательный объем, так и отрицательную энергию, которые можно уничтожить, аннигилировать с помощью перенасыщенных энергией пространств чужан. Но, к сожалению, это не решает всей проблемы: нагуаль как одномерный объект, как глубокая потенциальная яма остается и продолжает аккумулировать вырожденную материю. Уничтожив эту «шубу», мы просто оттягиваем финал».

«И все же это дает надежду...»

«Согласен, полумера – тоже своего рода шанс, что мы успеем найти решение проблемы нагуалей, но я пока такого решения не нашел. Вот еще одна причина встречи с вами. В нашем метагалактическом домене существуют лишь три вида разума, способные избавить Вселенную от нагуалей, но их еще надо найти. Однако, во-первых, я не уверен, что представители этих разумных захотят нам помочь, а во-вторых, что они успеют это сделать».

Ставр молчал. Информации на голову свалилось слишком много, чтобы он мог сказать что-нибудь внятное. Зато не выдержала Видана:

«Что же это за виды разума? Тартариане, чужане и орилоуны? По-моему, они сами до сих пор не могут разобраться с нагуалями».

«О нет, не они. Но для того, чтобы вы поняли, надо начать издали, по сути – с рождения нашей метавселенной, которая является всего лишь доменом, клеткой Универсума, то-

го существа или, скорее, разумной сверхсистемы, объединяющей в себе множество таких «клеток». Мы с вами живем внутри этой системы и зависим от конкретных законов, образовавших домен, но и Универсум зависит от нас, хотя и на неизмеримо низших уровнях. Так вот, процесс рождения нашей метавселенной, маленькой «клетки» гигантского тела Универсума, контролировался как извне, как и изнутри. В самом начале рождения это были разумные стабилизирующие системы, назовем их Архитекторами Мира, которые реализовали переход от инфляционной стадии развития домена, стадии раздувания, к стадии фридмановского расширения. Я не слишком зануден?»

Видана, для которой речь Яна Тота была откровением, только покачала головой. Глаза ее горели. Но и Ставр слушал Тота с возрастающим изумлением и возбуждением, поскольку до этого он знал лишь малую часть того, что втолковывал им Тот Мудрый. Правда, как ученый-физик, Панкратов был подготовлен к восприятию новой информации и соображал быстро.

«То есть Архитекторы Мира, – сказал он, – реализовали наш вакуум! Вы это хотите сказать?»

«Вы не ошиблись. Архитекторы откалибровали базу дальнейшего развития «клетки»-метавселенной – ее вакуум. А вот уже вслед за ними пришли Конструкторы, один из которых пережил свое время и вылутился, благодаря нам, на Марсе. Они сыграли роль корректоров роста домена вто-

рой стадии, оптимизировав вакуум в домене таким образом, что тот оказался основой собственно космоса с наинизшим уровнем энергии и трехмерным «каркасом», благодаря которым мир стал сложным и многообразным, образовалась сетчатая структура метавселенной, галактики, звезды, элементарные частицы, взаимодействующие между собой по сложнейшим законам. Конструкторы как бы «впаяли» в мир, зафиксировали принципы, позволяющие метавселенной развиваться в соответствии с замыслом Универсума: расширение, предельная скорость передачи информации – триста тысяч километров в секунду, сетчатость, неполная симметрия законов, асимметричность времени...»

«Погодите! – взмолилась Видана. – Дайте передохнуть! Все, что вы говорите, – это... это ужасно! И великолепно!»

Ян Тот пошевелил рукой, и на столе появилось шампанское. Открыл бутылку, налил в бокалы.

«Попробуйте, это «золотое».

Ставр пригубил шипучий янтарный напиток и кивком выразил восхищение. Видана же, по-видимому, не ощутила ни букета, ни вкуса, ожидая продолжения.

«Конструкторы должны были инициировать появление третьей волны разума – Инженеров, которые продолжили бы работу по усложнению домена и рождению новых форм взаимодействий. Но что-то они сделали не так, вернее, они изменили – без воли Универсума – один из законов бытия, а именно – Макрозакон, утверждающий принципиальную

невозможность получения полного знания, и мир изменился настолько радикально, что в нем не осталось места для самих Конструкторов! А Инженеры так и не появились. Вместо них родились цивилизации вероятностного разброса, не связанные общей идеей и развивающиеся, образно выражаясь, как кому взбретет в голову. Сеятели, одиночники и познатели – люди их еще не открыли, кайманоиды, джезеноиды, солнечники-плазмоиды, люди, наконец. Наш метагалактический домен как бы выпал из вектора прогресса, оказался ослаблен и предрасположен к «вирусным заболеваниям». Результат вы знаете».

– Трансгрессия нагуалей, – вслух сказал Ставр. Спыхватившись, снова перешел на слоган-речь.

«Значит, никакого ФАГа нет? А есть лишь «вирусная инфекция» нагуалей в нашу «клетку»-домен?»

Ян Тот покачал головой.

«ФАГ существует, хотя и не в том смысле, какой вы придаете ему и его деятельности. Нагуаль для нашего мира действительно – вирус, инициирующий рост «раковой опухоли» вырожденной материи, и направляется этот процесс именно Фундаментальным Агрессором, олицетворяющим собой Закон Перемен... о котором говорить пока рано. Но прежде, чем выяснить, что, собственно, происходит, кто такой ФАГ и что ему нужно, необходимо опять-таки начать издалека.

Итак, мы живем внутри живой – по иным параметрам, но живой – «клетки» исполинского живого – опять же не

по нашим масштабам – и разумного – по иным законам – существа, Универсума. Не Бога или Брахмы, как утверждали адепты многих эзотерических школ и учений. Микросущества. Как и любая клетка земного организма – аналогии вполне уместны, «клетка»-метавселенная имеет своеобразные «вакуоли», «ядра», «стенки» и тому подобное, но так как эта «клетка» намного сложнее, она способна передавать «нервные импульсы» – «мысли» Универсума. Это ее не основная, но важная функция.

Теперь представьте, что в Большой Вселенной живут другие суперсущества типа Универсума. Они не всегда ладят между собой, а может быть, просто играют, но их взаимодействие – назови его Войной, Игрой, Разговором или Наслаждением – всегда нарушает работу «клеток» взаимодействующего организма. Что для существ, населяющих «клетки»-метавселенные, зачастую превращается в трагедию, ведет к самым настоящим войнам на уничтожение».

«Как в нашем случае... Но тогда ФАГ – это действительно Игрок? Или «собеседник»? И живет он не в нашей вселенной, а за пределами тела Универсума?»

«ФАГ – это Миросущество Большой Вселенной со своим набором «клеток», законов, принципов и констант. С нашим Универсумом он, возможно, и не воюет, даже наверняка не воюет, просто «играет», но для нас с вами эта Игра оборачивается Войной со всеми вытекающими последствиями, и мы обязаны драться, чтобы выжить. Задачи спасти метавсе-

ленную никто перед нами не ставил, но, возможно, я знаю не все, и появление в домене нас, людей, запрограммировано как раз на этот случай. Да и что такое в принципе одна клетка для организма, состоящего из миллиардов клеток? Для человеческого тела потеря одной клетки вообще незаметна. Однако... – Тот понял, какое впечатление произвело на гостей его последнее заявление, и закончил: – Но, может быть, я не прав. Уверен я лишь в одном: человек – система, решающая определенную функциональную задачу космоса, но обладающая достаточной свободой воли».

– Как наши инки и витсы! – прошептала Видана. Она была потрясена, изумлена, шокирована и не скрывала этого.

«Вы говорили о функциях «клетки»-домена...» – напомнил Ставр, не получивший еще всех ответов на возникшие по ходу рассказа вопросы.

«Вы уже сообразили. Чтобы добиться каких-то своих целей, Игроку или ФАГу надо прервать правильное функционирование «клетки», изменить ее состояние, и тогда он «впрыскивает» в нее ганглиоблокаторы, то есть вещества, прерывающие передачу нервного возбуждения по симпатическим нервам – если пользоваться аналогией с любым живым организмом на Земле; ганглиоблокаторы блокируют нервные импульсы в ганглиях – нервных узлах. Таким образом нагуаль – это...»

«Ганглиоблокатор! Чем больше нагуалей впрыснуто в домен, тем быстрее пространство зарастет «паутиной» мертво-

го пространства и тем быстрее «клетка» выйдет из строя! Вы по этой причине упомянули о том, что мы можем не успеть найти союзников?»

«Не совсем. Наша «клетка»-метавселенная уже перестала быть областью с временно стабилизированной физикой, и деятельность ФАГа в ней призвана ослабить закон роста энтропии, для того чтобы в дальнейшем космос не смог создавать Большие Информационные Системы, способные заменить Инженеров. Помните, я говорил? Архитекторы – Конструкторы – Инженеры... Но главный плацдарм вторжения ФАГа – не макро– и мегакосмос, а микромир! А также вакуум. К счастью, враг не может мгновенно изменить информационную матрицу мира и действует пока на уровне локального изменения законов, но процесс этот уже идет, и количественное нарастание может привести к качественному изменению мира практически в любой момент».

«Что именно пытается изменить ФАГ?»

«Амплитуду флуктуаций вакуума ему уже удалось увеличить. В нашем домене более шести тысяч разрешенных комбинаций протонов и нейтронов, то есть изотопов различных элементов, но лишь двести восемьдесят лежат в зоне стабильности. Например, уран может иметь сто семь изотопов, известно пятнадцать. А изменение вакуумных флуктуаций приводит к сокращению числа стабильных изотопов. Если так пойдет и дальше, станут радиоактивными даже основные элементы, из которых состоят наши тела: азот, кисло-

род, углерод, водород, сера. Изменяется также гравитационная постоянная, увеличивается постоянная слабых взаимодействий, а самое страшное – увеличивается масса электрона...»

«Что вызывает уменьшение дельта эм, разницы масс протона и электрона! – воскликнул Ставр. – О чем предупредил Голос Пустоты! А я считал его речи абракадаброй!»

В глазах Тота мелькнул насмешливый огонек.

«Кажется, в вас не ошиблись, схватываете вы идеи быстро. Да, Голос о многом успел предупредить людей, но его почти никто не понял, не воспринял всерьез».

Ставр вспомнил загадочные слова инка Диего в доме Грехова в адрес Голоса: «Потеря качества сигнала влечет за собой снижение качества мышления». Диего имел в виду скорее всего снижение интеллекта Голоса, обусловленное падением качества «нервного сигнала», передаваемого через «клетку»-домен. Этот сигнал Ставр воспринимал как «беззвучный толчок» в голову, внутреннее сотрясение сознания.

Помолчали. Ян Тот иногда как бы «уходил», выпадал из сферы общения, то ли продолжал работать, размышлять над какой-то проблемой, то ли разговаривал с абонентами, и Ставром овладело чувство неловкости: они вынуждали этого сверхзанятого человека отрываться от более важных дел. Но кто был – черт бы его побрал! – тот благодетель, что просил Тота поговорить с гостями?..

«И что же теперь? – спросила «никшая Видана. – Что нуж-

но этому... Игроку?»

«Мы не знаем ни его логики, ни психологии, ни цели, это знает лишь Универсум, но решать мы должны свои задачи и на своем месте. Поскольку для нас это война, значит, надо воевать, драться за выживание, пока Универсум не прореагирует на наши усилия и не скажет, например: молодцы, ребята! Хвалю! Или такое: а ну-ка, прекратите возню, не путайтесь под ногами, вас вообще здесь быть не должно!»

Ставр и Видана смотрели на хозяина с одинаковыми чувствами. Ян Тот улыбнулся, встал.

«Но я надеюсь, он так не скажет. Хотя вряд ли наша деятельность очень важна для всего Универсума. Для него, наверное, не слишком важна даже потеря «клетки»-домена. Концепция Игры, утверждения Закона, важнее. А как известно, *de minimus lex non curat*⁴. Однако, хотя мы и втянуты в Игру-Войну помимо нашей воли, это не освобождает нас от ответственности за ее исход».

Гости встали, пора было уходить, хотя оба хотели бы беседовать еще долго.

«Что же нам делать?» – спросила Видана с наивной непосредственностью.

«Главная задача – найти каналы просачивания в наш мир чужих законов, изменяющих наши константы, но кто в состоянии это сделать, я не знаю. Может быть, серые призраки, хотя я и не уверен, может, лишь сам Конструктор, а то и

⁴ Закон не заботится о мелочах (лат.).

Архитектор. Не знаю. Их надо еще найти. Но и людям предстоит поработать, очищая континуум от «опухолей», «шлаков» и «вирусов» – нагуалей, скоплений Абсолютно Мертвой Материи, а также микромир от чужих «вирусных» добавок, лишних измерений, полей и частиц. Кроме того, надо будет подумать и над очищением запрограммированных ФАГом людей, и над изменением социальных отношений, и над изменением концепции бытия человечества. Кстати, последнее – задача архисложная, потому что базисом человеческого существа остается пока животная сторона его природы, и даже интраморфы не освобождены полностью от рудиментов агрессивных желаний, жажды власти, высокомерия или равнодушия. Прощайте, друзья. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся».

Ставр поклонился, собираясь уходить, но Видана не удержалась от вопросов, которые мучили ее:

«Ян, сколько вам лет, если не секрет?»

Тот Мудрый обозначил улыбку.

«Двадцать девять. А что?»

«Я думала, вам не меньше двухсот... извините!»

«Если бы мне было столько, я ушел бы с Конструктором еще полсотни лет назад».

«А вы живете... один? – Видана покраснела, метнула на отвернувшегося Ставра косой взгляд. – Я пробовала зондировать ваш дом... нигде никого... простите, ради Бога!»

Тот взял руку девушки в свою, коснулся легонько губами

пальцев, сказал вслух:

– Я живу один, Дана. Иногда это толкает меня на странные поступки, как, например, знакомство с вами. Но мой дом всегда будет открыт для вас.

Ставр вышел, стараясь не прислушиваться к разговору за спиной. Видана догнала его уже у лифта, глянула на каменное лицо спутника, но ничего не сказала. Несложно было понять, о чем она думает. Ян Тот поразил ее, заставил работать фантазию и чувства, а его одиночество было достойно жалости. Одиночество – удел всех выдающихся умов, вспомнил Ставр чье-то изречение⁵. Дай Бог вам счастья, мыслители!

И Ян Тот, Тот Мудрый, ответил, каким-то образом уловив мысль Панкратова:

«Спасибо, эрм. Но в этом мире можно найти лишь опыт, но не счастье. Ты еще убедишься в этом сам».

«А почему все-таки вы согласились встретиться с нами? Насколько мне известно, до этого вы практически ни с кем не контактировали, кроме...»

«Кроме Лады, дочери Баренца. Уел, эрм. Да, она моя жена, однако мы с ней... в общем, это неинтересно. А вот на вопрос ответчу: мне интересно было пообщаться с человеком, который по прогнозу должен ликвидировать эмиссара ФАГа и даже более того – выйти на уровень Игрока».

⁵ Шопенгауэр.

НЫРОК В ЧУЖУЮ

Герман Лабовиц жил в Дакке, а работал в Такла-Маканском ксенозаповеднике, изредка оставаясь там на ночь и не испытывая от этого никаких неудобств. Он и в молодости был неприхотлив, довольствовался малым и не тяготел к комфорту, хотя против уюта не возражал, а теперь, будучи экзоморфом, и вовсе перестал обращать внимание на такие мелочи.

Работа в бестиарии заповедника вполне отвечала его внутренним запросам, а дружба с интраморфами синклита давала необходимую разрядку и психологически-интеллектуальный настрой, так что Лабовиц, по своим внутренним оценкам, жил в удовольствие. Кроме того, у него были кое-какие обязанности, возложенные Габриэлем Греховым, и выполнять их в отсутствие бывшего проконсула было интересно. И уж совсем увлекательно было оказаться в центре событий, связанных с деятельностью в Системе Фундаментального Агрессора, чье появление было предсказано Греховым еще во времена Конструктора.

Нынешним вечером Герман тоже решил не лететь домой, а провести ночь на территории заповедника. К тому же обещал заглянуть на огонек Габриэль, и встреча обещала быть информативной.

До закрытия бестиария, в котором проживали представи-

тели животного мира планеты Эниф – скалогрызы, мимикрозавры и стражи, похожие на земных грифов, оставалось около часа, когда на территории зоны объявилась компания юнцов, заставившая занервничать инка охраны.

Группа из одиннадцати человек, принадлежавшая одной из сект подчеркнутого инфантилизма – в одежде, в поведении, общении, запросах и желаниях, похожая больше на стаю обезьян, высадилась из аэров прямо в зоне, огражденной трехметровым силовым барьером, и, не обращая внимания на вопли служителей-витсов, принялась с хохотом охотиться за стражами и метить их светящейся краской.

Бестиарий замыкал северную оконечность заповедника и располагался на живописном горном склоне, испятнанном круглыми дырами – ходами скалогрызов. Территория его была невелика – три на четыре километра, и, кроме скал, ничего интересного на ней не находилось, ни кустарник, ни деревья здесь не прижились. Может быть, поэтому и экскурсии посещали бестиарии редко, хотя скалогрызы были достаточно экзотическими животными и зрелище представляли отменное, особенно когда играли друг с другом и прошибали скалы насквозь, будто те были бумажными.

Одиннадцать юных «охотников», пол которых определить было невозможно, одиннадцать разукрашенных «обезьянопопугаев» вломились в будку контроля, разнесли аппаратуру вдребезги, изгнали витсов и принялись палить по всему, что двигалось, из портативных краскопультов. Стражи, которые

здесь, в бестиарии, и вообще на Земле, не летали, убежать от «охотников» не могли и принялись прятаться в тоннелях, проделанных скалогрызами.

Досталось и мимикрозавру, имитировавшему вторую будку контроля. Восторгам диких пришельцев не было конца, когда «будка» стала менять форму, пока не превратилась в гигантского многонога, чем-то похожего на таракана. Животное попыталось спастись, а когда это не удалось – напало на преследователей, сбив аэр хваталом.

Когда Лабовиц примчался к месту на патрульном птеране, схватка уже закончилась победой «охотников», один из которых оказался вооружен карабином «дракон». Взбешенный Герман рывкнул с высоты в мегафон-усилитель: «Всем лечь!» – догнал стрелка, отобрал карабин и с удовольствием съездил им же по пятнистой, крысиной физиономии. Остальные попытались устроить кучу малу, дабы «прочитать» обидчика, но Лабовиц не стал церемониться с ними и быстро охладил пыл «бойцов», наставив шишек и синяков. В эту секунду из выпуклого бока скалы с гейзером камней и дыма выполз скалогрыз, и обеим противоборствующим сторонам пришлось спешно ретироваться. Герман без особых угрызений совести оставил бы «охотников» на поле боя, но со скалогрызом были шутки плохи, все могло закончиться трагедией, эти звери просто не видели людей, благодаря своему гаммарadioактивному зрению, и вместе с подоспевшей охраной зоны он быстро загрузил компанию в патрульный

ктер и отослал с пилотом разбираться в центральное управление охраны заповедника.

Аэры улетели, пыль улеглась, скалогрыз застыл в полусотне метров блещущей металлической колонной, не обратив внимания на возню у подножия скалы. Его безобразная голова, напоминающая сrostок фрез горнорудного комбайна с ушами летучих мышей, качнулась два раза слева направо и тоже замерла. И в этот момент из отверстия старого тоннеля в скале, располагавшегося в десятке метров от задумавшегося Лабовица, выпрыгнул человек. Мягко, по-кошачьи, приземлился и повернулся лицом к Герману.

«Привет, стармен. Приятно видеть, что ты в форме».

Лабовиц не ответил, узнавая бывшего К-мигранта Вильяма Шебранна. Тот на первый взгляд был не вооружен, однако Герман чувствовал *прицельную* цепкость взгляда Шебранна, что указывало на встроенную в его костюм спецаппаратуру и оружие. Впрочем, на самом Лабовице был надет такой же костюм.

Не оборачиваясь, он *огляделся* в поле Сил и обнаружил еще двоих гостей, за спиной и сбоку, а также куттер за скалами, серьезную машину с серьезным вооружением. Если начнется бой, долго ему не продержаться. Но кое-какие сюрпризы эти гости на своей шкуре испытают.

«Не рад, что ли? – продолжал Шебранн, приблизившись на несколько шагов. – Или ждешь кого-то другого?»

«Чего надо?» – угрюмо поинтересовался Лабовиц.

«Значит, не рад. Впрочем, ты всегда предпочитал сразу брать быка за рога. Тогда к делу. У нас к тебе предложение. Существует группа людей, которых не устраивает нынешнее положение вещей. Они нуждаются в хороших помощниках-профессионалах, а ты бывалый стармен, экзоморф и мастер воинских искусств. Не хотел бы поработать на них? Оплата очень высокая».

«Не хотел бы!» – отрубил Герман, не пытаясь даже выяснить цену.

«Мы так и предполагали. Тогда у нас есть еще одно предложение: дай нам код метро в доме Грехова. Он тебе не сват, не брат, не друг и не учитель. А мы в благодарность не станем искать твоих родственников и друзей, могущих пострадать ни за что».

«У меня нет родственников. – Лабовиц сделал шаг навстречу, и К-мигрант отлетел на несколько метров, грохнувшись спиной на камни. – У меня нет друзей. А теперь вали отсюда, пока цел! Повторять не буду».

К-мигрант не торопясь встал, покачал головой. Он готовился применить оружие, но и Лабовиц был готов к стрельбе в любой момент, тем более что ему не надо было поворачиваться в сторону выстрела. Он выстрелил за спину, как только услышал незвуковую команду «огонь!».

Лазерная трасса перечеркнула напарника Шебранна, подкрадывающегося сзади, а еще один точный выстрел из «универсала» заставил второго помощника отступить за валун.

Конечно, на них были защитные костюмы, выдерживающие прямое попадание из «универсала», и Герман не рассчитывал на случайное попадание в голову, но он не был и бесшабашным задирой, уверенным в своей непрременной победе, и сразу после начала огневого контакта отступил к ближайшей дыре в горном склоне, вызывая охрану и свой личный аэр.

Однако, несмотря на успешный маневр, все могло бы закончиться печально, потому что гости, кроме обычного оружия, были вооружены своим, что и продемонстрировали, выстрелив по Лабовицу из метателя «пауков». Но применить «генератор холода», то есть генератор свертки пространства, они не успели, в конфликт вмешались другие силы.

Скалогрыз, дремавший на солнышке и, казалось, не обращающий внимания на развернувшиеся вокруг события, вдруг изогнулся и метнул в К-мигранта десятиметровый язык огня. Высокотемпературная плазма оказалась для Шебранны не очень приятным сюрпризом, и он, ослепленный, с визгом нырнул за камни.

Следующий плазменный выхлоп превратил второго стрелка в живой факел, а третий не стал дожидаться решения своей участи и рванул по склону к появившемуся как из-под земли аэру. Было видно, что это бежит не человек, но преследовать его никто не стал.

Аэр подобрал дымящегося Вильяма Шебранны и на форсаже ушел в горы.

Лабовиц ждал появления второй машины, сидящей непо-

далеку в засаде, но она так и не появилась, отреагировав на поднявшуюся в заповеднике тревогу и появление машины охраны.

«Отдыхай, зритель, – сказал скалогрыз, повернув голову к Герману. – Вечером зайдешь, поговорим».

Животное свернулось кольцом, с силой распрямилось и вонзилось в бок скалы так, что вздрогнула вся гора. Брызнуло во все стороны каменное крошево, дымные струи ударили фонтанами, а когда дым рассеялся, взору представилось аккуратное полуметровое отверстие в скале, еще пышущее жаром.

Конечно, голос Грехова вовсе не означал, что это был он сам, но контраст впечатлял, да и способность экзоморфа влиять на события на расстоянии тоже.

Перед тем как перенестись на погранзаставу «Стрелец», Ставр имел разговор с отцом, выглядевшим рассеянно-озабоченным, обдумывающим какую-то сложную проблему.

После неудачи с захватом эмиссара на его базе в Фаэтон-2 Панкратов-младший оказался как бы не у дел. Никто не ставил ему никакой конкретной задачи, ни шеф СПП, ни Железовский, ни даже исполнительный лидер «контр-2» Джордан Мальгрив, и предоставленный самому себе, понимающий, что назревают какие-то важные события, Ставр решил действовать самостоятельно, по императиву «свободной охоты», как бывший комиссар ОБ Пауль Герцог.

Прохор, будучи занятым до предела, не отговаривал сына от рискованных шагов и не советовал быть осторожнее, но, зная, что Ставр нуждается в поддержке, во встрече не отказал.

Встреча состоялась на квартире отца, жившего в центре Рославля, в стандартном кремнелитовом доме, возведенном еще сто лет назад. Для Ставра этот дом так и не стал родным, потому что родился он на родине матери, в Смоленске, но квартиру отца любил за уют и особый запах старины, рожденный великолепной книжной библиотекой.

«Завтракать будешь?» – спросил Прохор, работающий с оперативным инком в режиме «один на один».

Ставр сел в свое любимое кресло, вытянул ноги и стал созерцать спину отца. Тот обернулся, подняв бровь.

«Что-нибудь произошло?»

«Па, скажи честно, кто уговорил Яна Тота встретиться со мной?»

«А что, он тебя плохо встретил?»

«В том-то и дело, что слишком хорошо. Так все же кто? Баренц? Аристарх? Грехов?»

«Ты его не знаешь».

«А он меня, выходит, знает. Интересная деталь. А ты сам давно узнал о положении дел на Земле и вообще в космосе? Об Архитекторах, Конструкторе, об Универсуме? О проникновении ФАГа, его целях?»

«Об истинных целях ФАГа знает только он сам да еще

Универсум, – уклончиво ответил Прохор. – Скажем, взрыв Тартара и Чужой – не главная его цель, но и прервать передачу «высших нервных сигналов» через «клетку»-домен – тоже не является главной его задачей, как утверждает Ян Тот. Хотя для нас это вопросы жизни и смерти».

«Понятно. Значит, ты все знал... и молчал».

Панкратов-старший внимательно присмотрелся к холодно-бесстрастному лицу сына.

«Ты должен был дойти до всего сам. Что тебя не устраивает конкретно?»

Ставр не ответил, размышляя над словами отца. Потом изрек:

«Па, а тебе не кажется, что мы раунд за раундом проигрываем ФАГу по очкам?»

Прохор наконец вышел из оперативного поля инка, свернул файлы и буркнул инку: посчитай сам, потом сравним. Повернулся к сыну:

«Ты ошибаешься. Мы отстаем от банды ФАГа всего на полшага, а по многим вопросам опережаем. Примеры? Сколько угодно. Видана Железовская рассчитала взаимодействие эгрегоров, что явилось неожиданностью для них и здорово помогло нам и еще поможет в будущем. А подручные ФАГа не смогли помешать ей. Забава Боянова, со своей стороны, рассчитала тупиковую ситуацию социума, ее рекомендации также оказались нам исключительно полезными, и снова ФАГ не успел предотвратить передачу стратегически

важной информации, хотя знал о расчетах и пытался ликвидировать Забаву. Кроме того, нападения на интраморфов перестали быть фатальными, оружие киллеров рассекречено, тайна нагуаля по сути раскрыта, найден ЗПК ФАГа в Системе и в принципе вычислена его реперная база. Скоро мы соберем силы и уничтожим ее. Появился мощный противник ФАГа и наш союзник Грехов... Как видишь, мы работаем, и результаты говорят сами за себя. А когда станет известна стратегема Игры Универсумов, ее логика, цель и методы достижения цели, тогда мы начнем наступление».

«Но нагуали растут так быстро, что мы можем не успеть найти тех, кто способен очистить от них Вселенную!»

«Мы работаем быстро, как можем. Но торопиться не следует. ФАГ силен и просчетов не прощает. Делай свое дело, эрм, и дай другим делать свое».

Ставр обнял отца, почувствовав прилив нежности в ответ на его чувства.

«Ты меня не успокоил, отец, но все равно спасибо».

«Может быть, позавтракаешь?»

«Нет, благодарю, я уже зарядился. Не выходи из связи, па, вдруг понадобится».

Прохор только улыбнулся в ответ.

Уже на пороге Ставр оглянулся.

«Известно, как убили Ги Делорма?»

«Пока нет», – нехотя ответил отец.

Видана ждала Ставра на причале транспортного терми-

нала в Североморске, где им была обеспечена проводка по метро на погранзаставу «Стрелец». Обычным путем попасть в систему Чужой было уже невозможно, а Панкратову была необходима свобода маневра и независимость от машинного парка заставы, поэтому, пользуясь картой особых полномочий СПП, он добыл «голем» и собирался по грузовому каналу переправить его на заставу. Риск был минимален: даже если на заставе дотошный диспетчер выяснит, кому именно предназначается «голем», скандала особого не будет, потому что официально сектор пограничных проблем имел право на собственный поиск в любом регионе космоса. Другое дело, что о замысле Ставра при этом узнает Мигель да Сильва, а этого Панкратов хотел избежать.

Одетые в «бумеранги» со спецоборудованием, не отличимые от любых других официозов погранслужбы, они предъявили в метро терминала личные допуск-фейсы и через несколько минут вышли из метро погранзаставы. Пока свершалась процедура перехода, почти не разговаривали. Лишь при выходе Видана спросила, вспомнив визит к Тоту Мудрому:

«Что такое «шуба»? Ян говорил, что нагуаль – это в основном «шуба» из вырожденной материи, которой окутана «яма» бесконечной глубины...»

«Почему это тебя заинтересовало?» – удивился Ставр.

«Не знаю. Вспомнилось».

«В принципе каждая известная тебе элементарная части-

да представляет собой «зашнурованную» систему частиц, то есть одетую в «шубу» из других частиц. Например, «шуба» кварка состоит из трех глюонов и трех хиггсонов. Фотон – суперпозиция из нескольких нейтральных состояний глюонов, по сути весь – «шуба». Ну и так далее».

«Спасибо, я поняла».

Ставр продолжал поглядывать на девушку с недоумением, и та терпеливо добавила:

«Что такое «шуба», я поняла, непонятно другое: почему ядро нагуаля – «яма» не засасывает в себя эту «шубу». Ведь остальное вещество оно поглощает, не так ли?»

Ставр не нашелся что ответить, и дальнейший путь до транспортного отсека заставы они проделали молча.

С момента исчезновения начальника погранотряда Левашова режим охраны станции был ужесточен, поэтому их останавливали дважды: при переходе из отсека в отсек и во время пересечения зоны контроля транспортного отсека. Инк охраны их пропустил, но патруль, состоящий из трех человек, вежливо оттеснил от входа.

– Извините, коллеги, но вас в списках допуска в этот бункер нет.

«Это всего лишь нормал, – проговорила Видана. – Три удара, и мы внутри. А иначе твоя задумка провалится».

Ставр несколько мгновений решал, что делать, и неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы у отсека не появился Баркович.

– В чем дело?

«Этого нам только не хватало!» – подумал Ставр, внутренне сжимаясь, пока охранник докладывал начальству причину конфликта. Куда ни пойдешь, везде торчит командор! Теперь хана поиску и свободной работе вообще.

Но, к удивлению безопасника, командор погранслужбы не стал выпытывать, что делает на заставе штатный сотрудник СПП Ставр Панкратов и куда он собрался лететь «на ночь глядя» вместе с членом патрульной группы Виданой Железовской. Баркович, занятый своими мыслями, сказал всего два слова:

– Внести и пропустить!

И ушел по коридору не оглядываясь, в сопровождении витса-андроида. Видана, глядя ему вслед, передала Ставру слоган, переводимый как изумленный присвист.

Охранник, человек дела, ничем не выразил своих чувств, козырнул, отступил в сторону. Ставр кивнул и направился в тот угол отсека, где их уже ждал персонифицированный «голем».

Стартовали вне всяких очередей и расписаний. Диспетчер-инк заставы даже не запросил имен драйверов запускаемого аппарата, и это обстоятельство еще более озадачило Панкратова. Однако своими подозрениями делиться с Виданой он не стал, о чем впоследствии пожалел.

Бездна пространства распахнулась сразу со всех сторон, но невесомость длилась недолго – инк «голема» включил си-

стемы обеспечения, и пилоты почувствовали себя сидящими в креслах, хотя на самом деле были «запакованы» в коконе модель-захвата. Мир вокруг определялся как «верх» и «низ», «далеко» и «близко». Чужая – звезда, например, была далеко, а Чужая – планета, рой чужан, казалась близкой. На разной стадии удаления высветились другие космические объекты: «динозавролеты» чужан, кисейно-льди-сто-стеклянные «этажерки» орилоунов, спейс-машины космического флота землян. Нагуаль в форме объемной кляксы со множеством лучей-нитей излучал голубой свет в сорока тысячах километров от Чужой, но это было лишь его синтезированное инком изображение, сам он виден не был ни в одном из диапазонов электромагнитного спектра. Чужане, убедившись в том, что их решетка из «абсолютного зеркала» не послужила препятствием для роста нагуаля, убрали «зеркало» и ограничить рост «шубы» больше не пытались.

В ушах проклюнулся шум эфира в интервале пси, в радиоинтервалах люди давно не вели переговоры, и лишь грохочущие молнии связи чужан и орилоунов вспарывали эфир в этих диапазонах. И снова Ставра неприятно поразило отсутствие эфирного сопровождения их стартовавшей «единицы контроля». Будто никто не заметил, что «голем» покинул станцию и ушел в свободный полет.

– Не нравится мне все это, – сказал он вслух сквозь зубы. «Что именно?» – поинтересовалась Видана.

«Тишина. То, что нас никто не сопровождает. Что мы

встретили Барковича. Давай разделим функции: я возьму на себя управление, связь и поиск, а ты включайся в боевую оперсистему «голема».

«С удовольствием!»

Инк машины включил шпуг, и расстояние от заставы до псевдопланеты чужан, похожей на Фаэтон-2, «голем» преодолел за четверть часа. И снова никто не окликнул их, не передал предупреждение, не выдал пакет разрешенных траекторий, хотя неподалеку дрейфовал спейсер пограничников «Кром». Переговоры экипажей земных машин и дежурных заставы остались буднично спокойными, неторопливыми и функционально-специфичными. На рейд «голема» не обратил внимания даже Умник базы, контролирующий перемещение всех объектов в системе Чужой.

Планета роидов заняла весь объем переднего обзора, и Ставр перестал отвлекаться. Для выполнения задуманного необходимо было вывести машину точно по вектору движения когга Левашова и найти точку входа в верхний слой гигантского шара роидов. Конечно, Артура уже искали земные корабли, но они не знали того, что знал Панкратов, и поиски закончились безрезультатно.

Инк «голема», имевший запись сопровождения аппарата Левашова, справился с задачей быстро, они вышли в точку входа роида с коггом Артура внутри в Чужую, и тогда Ставр начал *свой* поиск. Если Левашову удалось повторить опыт Погорилого и проникнуть внутрь роида, возле этого «облом-

ка горы» должен был дежурить «дредноут» чужан, несомненно заинтересованный исчезновением земного аппарата.

Видана не знала замысла напарника, но вопросов не задавала, увлекшись созерцанием планеты роидов и совместной с инком работой по защите «голема». В отличие от земных наблюдателей чужане обратили внимание на пришельца, но сопровождали его на расстоянии, держа «на поводке» локацию. С момента конфликта, спровоцированного эмиссаром ФАГа, в результате которого чужане напали на погранзаставу и земных исследователей, роиды больше не контактировали с людьми и вели себя сдержанно, будто кто-то помог им разобраться с ситуацией и реабилитировать землян, и все же они явно начинали нервничать, когда земные спейс-машины приближались к их владениям, а больше всего – к нагуалю. Понять их было несложно: роиды боялись, что чужие исследователи случайно дестабилизируют нагуаль, и тот взорвется, уничтожив ближайший район космоса со звездой и планетой.

Полчаса прошло в молчании. Если бы не напряжение, охватившее Ставра, он тоже мог бы залюбоваться «ландшафтом» внизу – гигантским полем медленно движущихся черных камней разного размера. Вверху их плотность была мала, но чем глубже в недра роя проникал взор, тем скопление становилось плотней, пока не превращалось в сплошной «снежный ком». Но самым удивительным было то, что роиды при этом не касались друг друга, какая-то сила удержи-

вала их на расстоянии сотен метров, и между ними можно было пробраться даже в центр Чужой, в ее ядро. Много лет назад отец Ставра проделал такой эксперимент...

Панкратов уловил какой-то пси-шорох в общей каше звуков пространства, омывающих мозг, повернул «голем», и через несколько минут погружения в россыпь роидов они увидели целую группу объектов искусственного происхождения. Здесь мирно ужились чужанский спейсер, два горыныча и орилоунский «хрустально-дырчатый» корабль. И все они кружили вокруг трехсотметровой глыбы роида.

«Здесь! – воскликнул Ставр. – Артур здесь, внутри!»

«Почему ты так уверен?»

«Потому что горынычам и орилоунам внутри Чужой делать нечего, это машины чьих-то исследовательских или тревожных служб. Может быть, тех разумных, что появились одновременно с серыми призраками».

«Если уверен, продолжай в том же духе. Что будем делать?»

«Дадим знать Артуру, что мы здесь, пусть вылезает».

«Каким образом?»

Вместо ответа Ставр повел «голем» на сближение с горой чужанина. Горыныч и орилоунский спейсер на это не прореагировали никак, а чужанский «дредноут», действительно чем-то похожий на древний военный корабль, тотчас же пристроился рядом, разглядывая новый объект во все «глаза».

«Может быть, ты все-таки скажешь, что собираешься де-

лать?» – холодно осведомилась Видана.

«Расстреливать эту глыбу, – ответил Ставр. – Я заготовил около сотни капсул с записью обращения к Артуру. Их надо вогнать в роида, а там уже, если Артур жив, он как-нибудь прочитает послание».

«Ну и что?»

«Думаю, ему помогут выбраться обратно».

Видана выдала слоган, непереводаемый словами, полный скептицизма и сомнений, но Ставр на него не ответил.

Стрелять пришлось наугад, потому что «голем» не имел аппаратуры, определяющей «слепые» пятна на поверхности роида. Однако им повезло: из сотни капсул удалось вонзить в чужанина около двух десятков, – после чего оставалось только ждать.

Чужанский корабль подплыл ближе, подозрительно разглядывая «мечущий икру» земной аппарат, но Ставр пока не включал «саван» полной защиты, существенно ограничивающий маневренность «голема».

В ожидании прошел час, другой, потом Видана не выдержала:

«Кажется, твоя идея не сработала, эрм. Может, лучше нам самим туда пролезть, в роид? Определим точку, где проникла капсула, и на разгоне – на таран...»

Идея была, что называется, «с сумасшедшинкой», и Ставр, наверное, рискнул бы ее апробировать, но в это время случилось то, на что он уже и не надеялся: из горы чужа-

нина вылетел гигантский светящийся фантом, очертаниями похожий на человека в «бумеранге». Поплыл в сторону, корчась, оплывая, превращаясь в шар, в облако, в струю дыма. Растаял.

Горынычи на его появление ответили вдруг «атакой» чужанина и исчезли – в том месте, откуда выплыл фантом, а орилоун перестал рыскать вокруг и застыл, повернувшись к горе роида остроконечной головой.

Ставр не успел ничего ни предпринять, ни решить – ответ ли это Левашова или он сам, вернее, его «тень», сумевшая пробиться наружу из пространств роида, как появился еще один призрак, только поменьше. Отплыл, уменьшился, испарился. Затем еще один и еще, пока размеры фантомов не приблизились к размерам человеческого тела. И, наконец, с фонтаном черных обломков вылетел тускло мерцающий натуральный «бумеранг» с человеком внутри.

Сомнений не оставалось – это был Артур Левашов. Почему он появился «голым», в то время как уходил на специально оборудованном когге, было неизвестно, однако Ставр не стал медлить, блестяще решив задачу поимки кувыркающегося человека.

Чужанский «дредноут» не успел даже развернуться, чтобы принять летящий прямо на него предмет, когда «голем», ведомый Панкратовым, «заглотнул» этот предмет и дал деру, увертываясь от плавающих вокруг роидов.

Через несколько минут они вылетели за пределы «атмо-

сферы» планеты, но Ставр вдруг притормозил и спрятал «голем» за стометровой тушей одинокого роида, последнего из тех, что образовывали редкий верхний слой. Видана, порывавшаяся вылезти из кокона рубки и пройти в хвостовой «карман» аппарата, где был запакован пойманный Артур Левашов, не подающий признаков жизни, замерла от жесткого возгласа Ставра:

«Не время! На место!»

От изумления и гнева она повиновалась, но, взглядевшись в пси-поле, поняла, что их ждут. И почти простила напарнику его тон.

Их сторожили, по крайней мере, три группы спейс-машин, образующие каждая свой пси-фон ожидания. Одна несомненно принадлежала погранслужбе, две другие – неизвестным формированиям, в пси-фоне которых просматривалось больше негативных линий и отрицательных эмоций. Был еще один объект, наблюдавший за местным районом космоса, но он почему-то идентифицировался с планетой чужан или же прятался в ее глубине.

«Оружие к бою! – сказал Ставр с неожиданным хладнокровием – специально для Виданы: инку, в принципе управляющему оружием, эта команда была не нужна. – Пойдем «мотыльком», поэтому будь готова к перегрузкам».

Видана кивнула, сглатывая комок в горле. Она никогда не водила машины в режиме «мотылек» – с танцующим центром тяжести, когда его траекторию просчитать было невоз-

можно, а ускорение при этом раскладывалось на три вектора, то есть как бы «раздирало» биологический объект внутри – тело человека, – но слышать об этом слышала.

«Готова?»

Видана снова кивнула, и, хотя жест этот Ставр видеть не мог, тут же выдернул «голем» из-за роида и включил форсаж, молясь в душе, чтобы им повезло и чтобы Левашов остался жив, ради чего они и пошли на этот риск.

ТИБЕТ – МЕРКУРИЙ

Левашов был слаб, но в сознании. Улыбаясь глазами, он оглядел свою примолкшую аудиторию: Герцога, Железковского, Велизара, Видану и Ставра. Все они по-своему оценили и пережили его рассказ, но главным в их чувствах было чувство удивления. Артур выжил там, где человек не должен был выжить, и заслугой тому несомненно были действия чужан, сумевших разобраться, кто к ним прибыл и с какой целью.

В принципе, Левашов мало что успел сделать, прорвавшись внутрь «обломка» чужанского пространства. Время там текло иначе, как бы колеблясь вокруг вектора времени снаружи, и по его часам прошло всего минут двадцать, как вдруг чужане сообщили, что его вызывают домой, да и вообще пора возвращаться, так как они не могут долго удерживать от распада континуум чужого пространства внутри своей «колонии».

Уходил Левашов с большим сожалением, хотя и понимал, что нельзя злоупотреблять чужим гостеприимством. Но энергоресурсы когга таяли на глазах, защита не справлялась с просачиванием внутрь законов чужого мира, пришлось катапультироваться в «бумеранге», когда чужане подали сигнал готовности.

Самым поразительным в контакте оказалось то, что соб-

ственно «люди» роида изменились при общении, потому что живыми существами в понятии землян они не были. Вся их жизнь, по сути, представляла собой процесс математического преобразования при получении новой информации, ибо были они всего-навсего «пакетами формул». И тем не менее каждый из них имел личностные черты, обладая сугубо индивидуальной организацией и программой.

А самое главное: теперь окончательно можно было считать доказанной гипотезу, что тартариане, чужане и орилоуны были родственниками, вернее, одними и теми же существами, но на разных стадиях эволюции выхода в континуум местной метавселенной. И еще: Артур не был уверен до конца, но понял так, что «пространство» внутри роида вовсе не напоминало трехмерную евклидову пустоту космоса, к какой привыкли люди, его и пространством-то назвать было нельзя, потому что оно скорее походило на скопление удивительных геометрических фигур, изменяющихся в соответствии с «движением» чужан-формул. По сути, это был не процесс передвижения, а процесс изменения фигур, быстрый или медленный, в зависимости от желаемой чужанину скорости. Но увидеть это или почувствовать Левашов не смог, все его органы чувств отказали, и мозг регистрировал лишь хаотическое метание пятен, бликов и призрачных фигур, отзываясь на поступление информации, которую он не смог ни оценить, ни выразить образами, словами или символами. Чужане сами нашли способ сообщить гостю о себе, че-

рез аппаратуру когга, потому что они начали изучать жизнь людей раньше и продвинулись в этом направлении дальше.

«Спасибо, что вытащили, – сказал Левашов Ставр и Видане. – Я мог остаться там навсегда».

«Молодцы, молодцы, – проворчал Железовский, вставая, все четверо сидели вокруг кровати, на которой лежал Артур и которая находилась в знакомом бункере под Тибетом. – Одного не пойму: как вы догадались, куда именно ушел Артур?»

Ставр встретил понимающий взгляд Левашова, который подмигнул ему и ответил сам:

«Мы с ним одинаково думаем и долгое время работали над одной и той же проблемой. Зато теперь чужане предупреждены, что к ним могут просочиться гости нежелательные, способные разрушить их мир изнутри или снаружи, и примут меры. Ради этого я, собственно, и рисковал».

«И все же надо было предупредить, мы бы подстраховали».

«Меня кое-кто страховал... и он же помог Панкратову выбраться из безнадежной ситуации».

Все знали, о ком идет речь, и промолчали, только Видана хмыкнула, выразив свое отношение образным слоганом, в котором не было места словам.

Спас их Баркович, но так была велика неприязнь к этому человеку, что факт спасения был отнесен всеми к некоему коварному замыслу, осуществить который командор по-

гранслужбы не успел.

Ставр вспомнил возвращение с Чужой на заставу.

Целых пять минут, пока «голем» набирал скорость, их не трогали, а затем сразу с трех сторон началась стрельба на поражение. Как потом удалось выяснить, в охоте на них участвовало пять спейс-машин разного класса, три из которых оказались исследовательскими галионами, одна – пограничным драккаром и оставшаяся – чужанским «сторожем». «Охотники» пустили в ход все, чем были богаты военные арсеналы Земли и кайманолоудей: лазерные и плазменные пушки, аннигилятор, генераторы свертки пространства, нейтрализаторы межатомных связей (метатели «пауков») и вакуум-преобразователи – те самые уничтожители, один из которых удалось добыть Ставру и Мигелю да Сильве.

Но «охотникам» удалось выстрелить по порхающему мотыльком «голему» всего два-три раза, причем дважды спасла беглецов только включенная вовремя саван-защита, то есть «абсолютное зеркало», а потом в эфире прогремел рассерженный глас Барковича:

– В чем дело?! Это еще что за дуэль? Прекратить огонь! Всем прекратить стрельбу! С момента приказа буду рассматривать акт неповиновения по императиву «Военные действия»! Каждый, кто нарушит приказ, будет немедленно уничтожен!

И стрельба стихла. Потому что командор имел возможность уничтожить любую спейс-машину с борта погранзаста-

вы. Первым перестал преследовать «голем» чужанский корабль.

«Голем» доковылял до заставы на крохах энергии, где его подхватила спасательная система транспортного отсека, но еще до того, как в отсек ворвались пограничники, Панкратов вскрыл пилот-кокон и выбросился вместе с Левашовым в тоннель газосброса, откуда ему помог добраться до метро Пауль Герцог. Видана таким образом осталась одна и вылезла из «голема» уже под колпаком санитарного модуля.

Ставр представил лица пограничников и косменов, присутствующих при этом событии, и усмехнулся.

– Привет, мальчики! – сказала девушка, грациозно выходя из кабины на стерильно чистый пол модуля. – Как я рада, что меня встречает так много настоящих мужчин.

И вышла, проигнорировав растерянных врачей «Скорой». В коридоре ее ждал Баркович в паре с неизменным витсом охраны.

– Зайдите ко мне, – сказал он, не удивившись отсутствию напарника девушки и отсекая тем самым возможные попытки ее задержания заинтересованными лицами.

«Что же он тебе сказал?» – полюбопытствовал Ставр, когда они встретились в бункере Железовского.

«Он сказал: вы уволены!»

«И все?!»

«Все. Я повернулась и вышла».

Изумленный Ставр не нашелся, что сказать в ответ. Впро-

чем, не он один был удивлен реакцией Барковича, по сути, спасшего их дважды – вмешательством во время возвращения «голема» и отстранением Виданы от работы, что выглядело со стороны как наказание и одновременно как попытка оказаться чистым перед ФАГом. Если только командор был его помощником. А подозрения такие имели под собой почву.

«Может быть, он пытается угодить и нашим и вашим? – предположил озадаченный Железовский. – Людвиг далеко не глуп и должен понимать, чем грозит ему участие в деятельности ФАГа. Вот он и пробует таким образом реабилитировать себя...»

Никто Аристарху не ответил.

«Ладно, отдохайте, Артур, приходите в себя. – Велизар первым вышел из бокса. Он не собирался задерживаться здесь. Как и остальные, впрочем. – Идемте, коллеги».

Они разместились в гостиной бункера, причем Видана не села в кресло, как все, а осталась стоять за креслом деда со скучающим выражением лица. Она ожидала разноса, бурного негодования по поводу их со Ставром самодеятельного рейда и приготовилась защищаться. Но этого ей делать не пришлось, потому что разноса не было. И все было не так, как ей казалось.

«За операцию по спасению Левашова не хвалю, – сказал Велизар. – Ее просто надо было разработать глубже. Кто просчитывал варианты?»

«Я, – ответил Герцог. – Но позволю себе не согласиться: операция была разработана с трехслойным прикрытием. Два слоя обеспечивали мы: это – информационное и навигационное сопровождение и транспортный канал, третий слой обеспечивал «контр-2». Я не знаю, какова степень участия профи «погран-2» в рейде Панкратова, но не удивлюсь, если окажется, что грозный рык Барковича «прекратить огонь!» – дело их рук. Если бы не это обстоятельство, несомненно сыгравшее главную роль, мы бы начали прикрывать Панкратова своими средствами».

Видана, раскрыв глаза широко, переводила взгляд то на Герцога, то на Велизара, и Ставр прекрасно понимал ее чувства.

«Хорошо, аналитики решат, каков был шанс. – Велизар мельком глянул на Ставра. – Но все же вам не следовало рисковать жизнью Виданы Железовской».

«Я бы не справился один, – с легким сердцем ответил Ставр, зная, как подействует на Видану его заявление. – И она не ученица пансиона благородных девиц, а работник «погран-2».

Велизар поднял бровь:

«Поздравляю. Спасибо за информацию. Что ж, снимаем этот вопрос с повестки дня. Я очень надеюсь, что вы сделаете надлежащие выводы, но еще больше, что эксперимент Левашова приблизит нас к решению проблемы нагуалей. Что вы хотите добавить, девочка?»

Видана создала слоган, соответствующий словам «э-э» и «м-м-м», покраснела, рассердилась и нашлась:

«Пауль, не хотите ли вы сказать, что всю операцию по розыску Левашова разработали вы, а не этот тип?» – небрежный кивок в сторону Ставра.

Присутствующие в гостиной оживились, Железовский покачал головой неодобрительно, а Герцог улыбнулся.

«Мы разрабатывали ее вместе».

«А ваш намек на «контр-2»? Учтите, я хорошо знаю, что это за организация и как она работает. С какой стати она стала прикрывать наши игры?»

«У нас с ним один начальник в «контр-2», – Герцог показал глазами на Ставра, – Джордан Мальгрив. – Бывший комиссар ОБ глянул на Велизара. – Петр, теперь, наверное, можно посвятить их в наши дела, тем более что благословение «Лимонадного Джо» я получил».

Ставр улыбнулся в душе: прозвище Мальгриву дал Герцог, и оно, в общем-то, соответствовало истине, потому что Джордан очень любил соки и фрукты.

Велизар покачал головой:

«Похоже, никого в этой компании вы своим заявлением не удивили, парень».

«Это уж точно, – подтвердил Железовский. – О существовании «контр-2» знает даже Забава. И не стоит удивляться, извиняться, бить себя в грудь, что иначе было нельзя и что цель – выживание цивилизации – стоит тех мер по охране

тайны, которые применили вы. Да, стоит! А теперь давайте о деле. Синклит по-прежнему предпочитает действовать самостоятельно, хотя кое-какие задачи мы должны ставить вместе и координировать их выполнение».

«Спасибо, Аристарх. – Велизар передал слоган рукопожатия– сожаления-вины-твердой-воли-понимания-дружеского-преклонения-необъятных-просторов-шелеста-волн-грозовых-раскатов-птичьих-криков-запахов-луга-и-озона; эта мыслеформа была понятна всем. – Что вы хотите предложить «контр-2»? Кстати, я ведь тоже сотрудник этой организации. Или, если хотите, советник».

«Я знаю, – ухмыльнулся Железовский. – Петр Пинегин. Мы тоже не лаптем щи хлебаем. – Посерьезнел. – Предлагаю, пока не поздно, ликвидировать помощников эмиссара ФА-Га: Алсаддана, Шан-Эшталлана, Шкурина, Леонида Сяопина и Еранцева. А когда отыщем базу эмиссара, Демиурга, то и его тоже. Я разработал план, однако его надо согласовать с руководством «контр-2», чтобы не получилось накладок».

В бункере установилась тишина. Потом Герцог весело посмотрел на Велизара:

«Вы были правы, Петр. Наши старики во многом могут дать фору молодым. – Пауль повернулся к Аристарху: – Но мне в связи с этим вспоминается одно место в романе Вальтера Скотта «Квентин Дорвард»: «Если мы вздумаем силой проложить себе дорогу, эти молодцы порядком намнут нам бока, потому что война – их ремесло, а мы деремся только

по праздникам».

Видана фыркнула. Из соседнего помещения прилетела слоган-улыбка Левашова. Но Железовский остался серьезен.

«Среди нас тоже есть молодцы, чье ремесло – война. В чем конкретно вы сомневаетесь?»

«Извините, Аристарх, я не хотел вас обидеть. Но сейчас нет смысла ликвидировать помощников эмиссара, тут же он отыщет новых, и мы не будем знать – кого именно. Этих-то мы знаем и контролируем каждый шаг. Вот когда отыщется база эмиссара, Лайа-центр, тогда и возьмем на вооружение ваш план».

Железовский хотел что-то сказать, но вмешался Велизар:

«Не надо возражать, адепт кулака, Пауль резоны говорит. Дай ему в помощь Забаву, пусть поработает с аналитиками, необходимо сделать эфанализ уровней вмешательства ФАГа».

«Что, в «контр-2» нет сильных эфаналитиков?»

«Такого класса нет. А что, ты боишься, Забава не справится?»

«По-моему, уровни вмешательства ФАГа известны: макромир – войны, скопления галактик, звездные системы, мегамир – социум Систем, в том числе наш, человеческий, и микромир – вакуум, константы взаимодействий, то есть уровень физических законов. Не так?»

«Нужен расчет последствий, причем не только последствий развития вмешательства, но и наших ответных дей-

ствий. Очень скоро мы перейдем в наступление на уровне социума, наше отступление было временным, и потребуются координация всех сил и связей. Но к тому времени надо попытаться отыскать серых призраков. Я очень надеюсь, что Грехов знает, где они теперь».

«Почему же он до сих пор не вошел в контакт с нами? – проворчал Железовский. – Что за проблемы решает в одиночку, изредка делая барские жесты? Согласен помочь – помогай, нет – нет. Я таких вещей не понимаю».

«И не надо, – покосился на него Велизар. – Видно, стареешь, патриарх. Габриэль помогает больше, чем тебе известно. А ведь когда-то тебе дали кличку «роденовский мыслитель». Да и Грехова ты знаешь не понаслышке, мог бы его не трогать. – Глава Все вече встал. – Все, у меня нет времени, решайте свои задачи без меня. Пауль, дай им проводку по нашей основной сети связи «спрут-2», пусть включаются. И мой вам совет, Ставр: поговорите с дедом, а лучше с бабулей Настей, она расскажет вам о своем отце, Андрее Демидове. Это представляет интерес».

Он ушел. Попрощался с Левашовым. Тихо «вздохнуло» и «выдохнуло» метро.

«Старики потому так любят давать хорошие советы, – сказал, белозубо улыбаясь, Герцог, – что уже не способны подавать дурные примеры»⁶.

«Что он хотел сказать, упоминая Демидова?» – спросила

⁶ Ф. Ларошфуко.

Видана.

«Андрей Демидов погиб, – сказал Железовский нехотя, – во время одного эксперимента... что-то Петр темнит...»

«Я выясню, – сказал Ставр. – Но мне тоже пора идти».

«Нам по пути», – кивнул Герцог.

«А я? – Вопрос получился жалобным, детским, и Видана раздраженно топнула ногой. – Черта с два вам удастся отделаться от меня, эрмы! Тем более что я свободна в выборе занятий, как опер «свободной охоты» «погран-2». И я знаю, куда вы идете – на Меркурий. Не так ли, джентльмены?»

«Придется взять ее с собой», – хладнокровно сказал Ставр.

Герцог засмеялся и вышел. Он вообще был веселым человеком, хорошо чувствовал собеседника и понимал юмор.

Меркурий, оставаясь планетой вулканов, резких температурных контрастов, огненных озер и ледяной коросты, планетой дымов и пыльных свищей, с жиденькой атмосферой и силой тяжести в четыре с лишним раза меньше земной, давно был освоен людьми и представлял собой один металлодобывающий и энергетический комплекс. Люди здесь не жили, как на других планетах Системы, а прилетали работать, изучать природные особенности, недра планеты и близкое Солнце, чье присутствие ощущалось во всем и везде, даже на больших глубинах или под защитными колпаками. Изредка Меркурий посещали экскурсии или одиночные любии-

тели экзотики, созерцатели странных слоистых ландшафтов, а также кипящего светила с его протуберанцами, пятнами и факелами тысячекилометрового размера.

Ставр, Герцог и Видана прибыли на Меркурий сложным путем – системой метро на один из энергоконцентраторов, плавающих над планетой, а оттуда на грузовом галионе в район терминатора, где «контр-2» имел свою базу, не контролируемую ФАГом. Поэтому у них было время полюбоваться на дневную и ночную стороны Меркурия, а также на Солнце, грандиозная масса которого воспринималась не шаром, а стеной расплавленного металла, изъязвленного порами и фонтанами, но готовыми, казалось, вот-вот пролиться на планетную твердь под ними. Впрочем, дневную сторону Меркурия едва ли можно было назвать твердью, она представляла собой гигантское дымящееся «болото» с «кочками» и островами ажурных губчато-мшистых конструкций из тугоплавких пород, чистых металлов – цинка, марганца, железа, их окислов и сернистых соединений, а также горных хребтов из тугоплавких магнезитов, красивейших плато с причудливыми скалами и необычных «эоловых городов», формы которых не поддавались описанию. Жидкостью «болотам» служило расплавленное олово, свинец и ртуть, запасы которых на Меркурии удовлетворяли потребности человечества на всю отпущенную ему Вселенной жизнь.

Ставр, как и любой школьник, в свое время, конечно же, побывал на планетах Солнечной системы, в том числе и на

Меркурии, но суровая эстетика этого мира, ближайшего к Солнцу (планету Вулкан, которой пророчили первое место в когорте спутников светила, так и не обнаружили), захватила и его.

Видана также рассматривала меркурианские ландшафты с восхищением, и лишь Герцог, бывавший здесь чаще, остался к ним равнодушным.

Все трое были включены в сеть связи «спрута» официального и «спрута-2», доносившего вести только строго ограниченному контингенту людей, причем канал этот был зашифрован и декодированию не поддавался, поэтому сотрудники «контр-2» могли быть спокойны за конфиденциальность передаваемой информации. Что это было не так, знали только несколько человек в Системе.

Ставр, как опер перехвата «контр-2», давно слушал обе системы связи, а Видане интересно было сравнивать поступающие сообщения, поэтому она все время порывалась обратить внимание спутников на это несоответствие. Ей достало выдержки и такта не закатить скандал своему начальству в «погран-2» по поводу столь запоздалого выхода на уровень необходимой информированности, но все же она пережила этот удар тяжело, и Ставр старался не бередить рану, обдумывая каждый свой жест.

Он понимал, что Видану просто берегли до поры до времени как хорошего аналитика, не слишком надеясь на ее данные оперативника, не перегружая ее заданиями, но де-

литься своей догадкой с девушкой не стоило. К тому же начальники «погран-2» явно не учли ее самостоятельность и качества «сорвиголовы», назначая Видану агентом поддержки опера перехвата. Наверное, она им доставила немало хлопот и переживаний.

Ставр улыбнулся, и девушка живо почувствовала его настроение, с подозрением оглядела обманчиво мягкое и спокойное лицо.

«Что вспомнил? Только не говори, что не думал сейчас обо мне, я ведь чувую, когда думают обо мне».

«Я подумал, что нам чертовски повезло, что ты с нами», – сказал он серьезно.

Видана готова была вспыхнуть, но вмешался Герцог:

«Подтверждаю, мисс», – и инцидент был исчерпан. Однако Ставр получил от Пауля персональный слоган – покачивание пальцем – и ответил кратким слоганом – замок на губах.

Галион одним движением преодолел последние две сотни метров до посадочного комплекса, был принят финиш-системой и втянут под купол наземной базы. Стены пассажирской каюты ослепли, вспыхнул белый свет. Герцог первым вышел в коридор. Видана задержалась, остановив и Ставра:

«Послушай-ка, а что это за история с твоим прадедом произошла, Андреем Демидовым? Почему Велизар сказал, что она имеет интерес?»

Ставр опешил, он думал о другом, но шуткой отвечать не

стал, видя, что Видана грозно сдвинула брови.

«Демидов был биологом и погиб во время эксперимента».

«Точнее. Какого эксперимента? Что он испытывал на себе?»

«Ты угадала, он ставил опыт по упрочнению человеческой кожи и...»

«Опыт не удался?»

«Наоборот, удался, но последствий Демидов рассчитать не смог. Его хоронили, как глыбу металла. Пошли, нас ждут».

Оставив Видану с ее чувствами позади, Ставр догнал Герцога, и они вместе вошли в центр управления базой.

Всем хозяйством базы командовали всего два оператора в кокон-креслах, но база была связана с сетью других таких же закрытых баз, станций, центров связи, транспортных комплексов, заводов, институтов и тревожных служб, поэтому в зале была оборудована специальная оперативная персон-зона, позволяющая подключаться каждому работнику к тому каналу в сложнейшей круговерти информационных потоков, на какой он был допущен согласно уровню ответственности. Здесь в данный момент находилось трое: бронзоволицый мужчина с орлиным носом и гривой седых волос, в белом унике с короткими рукавами, молодой пограничник и Прохор Панкратов, отец Ставра. Прохор поднял руку, и пришедшие сели рядом в мидель-кресла, представлявшие более современные системы управления и связи, чем коконы. Они

ничем не отличались от обычных кресел, но, включенные в систему управления, становились буквально дополнительным органом человеческого тела и мозга.

Герцог сразу включил кресло и «ушел» в переговоры с Прохором, тоже сросшимся со своим креслом и «сидевшим в канале» какого-то инк-сектора. Ставр этого делать не стал, и Видана шепнула:

«А зачем Велизар напомнил об этой истории? Я поняла, что методы упрочнения кожи существуют, Демидов был первым... но тебе-то зачем это знать?»

«Успокойся, – коротко ответил Панкратов. – Потом выяснится».

Он, конечно, знал, почему Велизар вспомнил давнюю трагедию с прадедом, – видимо, для выполнения той задачи, к какой его готовили, понадобится и Д-прививка, как называли упрочняющую обработку кожи специалисты. Но, во-первых, выдержать Д-прививку мог далеко не каждый интраморф, а во-вторых, прививка перестраивала организм человека: делая его неуязвимым для многих видов оружия, она каким-то образом влияла и на психику перципиента, а существовала ли дорога обратно, наука не знала.

Видана заметила заминку спутника, но переспрашивать не стала, ушла в свои мысли.

Ставр поймал жест Герцога и включил кресло.

Перед его глазами сформировалось оперативное поле компьютерного контроля со всеми его связями. Инк «вы-

резал» в этом поле отдельное «окно интереса», и все поле информвзаимодействий как бы отдалилось, а на передний план выплыли две схемы, напомнившие хрустальный шар – модель метавселенной в доме Грехова. Одна схема представляла собой сеть объектов, подконтрольных ФАГу, вторая – контролируемых «контр-2». Обе сплетались в сложный сетчатый узор, состояли из тысяч пульсирующих огней, по желанию разворачивающихся в значимый объект со всеми его характеристиками, но, как показалось Ставр, схема «контр-2» владела большим объемом связей и даже дублировала часть объема ФАГа.

Этот участок взаимодействия схем походил на иероглиф «санг»-конфликт из китайской «Книги перемен».

В полном объеме картину взаимодействия сил ФАГа и защитных систем человечества Ставр увидеть еще не приходилось, но он сразу разобрался в значении некоторых узлов схемы «контр-2», обозначивших центры управления. Их было целых три, но лишь один реагировал на приказ развернуть данные по этому объему, а именно – центр управления нижней агентурной сетью «контр-2», непосредственно подчинявшейся Джордану Мальгриву. Правда, полных сведений инк все равно не выдал. Ставр, не увидев ни своего имени, ни кодового обозначения, с некоторым облегчением понял, что он к этой сети не принадлежит.

Канал персональной пси-связи с отцом принес его слоган-улыбку:

«Не волнуйся, эрм, это не рабочая схема, а видовая, оценочная картина. Агентов твоего класса нет даже в кондуктах Умника, координирующего всю оперативную работу «контр-2», их знают лишь непосредственные начальники».

«Я и не волнуюсь. Но на схеме я вижу кое-что не совсем приятное. Оказывается, ФАГ контролирует больше половины ресурсов отдела безопасности!»

«К сожалению, ты прав. Еранцев оказался очень оперативен и закодировал многих важных работников ОБ, почти из всех секторов. Бог миловал только высший эшелон контрразведки и сектора пограничных проблем, да и то лишь потому, что Мальгрив и Сильва «усиленно помогают» Еранцеву и Шкуруину. Но давай-ка посмотри на регион Меркурия и Солнца. Что видишь?»

Ставр посмотрел.

«Меркурий чист?!»

Ни в одной из схем Меркурий не фигурировал в качестве форпоста той или иной стороны, и в то же время Ставр находился на базе «контр-2» и знал, что у ФАГа здесь где-то припрятана своя база.

«Ты правильно понял, – вошел в разговор Герцог. – На Меркурии удобней всего иметь главные центры управления своими сетями исполнителей, так как расстояния в эпоху метро и «струнной» связи не играют роли. А то, что у Солнца появились горынычи, лемоиды и чужане, говорит лишь о...»

«Появлении в Солнце нагуаля», – закончила за Герцога

включившая свое кресло Видана.

Мужчины переглянулись.

«Один вопрос, – продолжала девушка, забавляясь реакцией слушателей. – Куда делся ЗКП ФАГа из Фаэтона-2?»

«Никуда, – ответил Прохор. – Он торчит в Фаэтоне, как и прежде, но под «абсолютным зеркалом», так что обнаружить его нашими средствами невозможно. В принципе, это даже не запасной командный пункт, а база кайманоидов, используемая ФАГом для кодирования доставляемых туда жертв. Мы ею займемся позже, никуда она не денется».

«Но ведь это все равно что кинжал, торчащий в сердце! Его надо срочно вытаскивать, лишить ФАГа союзников...»

«Кинжал – это очень образно и красиво, девочка, но всему свое время, – вмешался вдруг в разговор смуглолицый седой старик, глянул в их сторону. – Это вы Ставр Панкратов?»

Ставр наклонил голову, искоса глянув на отца.

«Зайдите ко мне через полчаса». – Старик стремительно, совсем не по-стариковски, вышел из зала.

«Кто это?» – спросила Видана.

«Отец Тота Мудрого, – ответил Прохор Панкратов, – глобалист-статистик Пайол Тот».

«Почему я должен его слушаться?» – осведомился Ставр.

«Зайди, поговори, – пожал плечами Герцог. – Может, что нового узнаешь. Вы пока отдохните, ребята, мы тут прикинем кое-чего. Через пару часов встретимся».

Ставр спокойно поднялся, предложил руку Видане:

«Пошли погуляем по местным буеракам».

Видане очень не хотелось уходить, но, подавив разочарование, она с великолепной грацией подала Панкратову руку, и они вышли из зала.

«Хорошая пара», – сказал Герцог рассеянно.

«Кошка с собакой, – ответил так же рассеянно Прохор, знавший историю отношений сына с внучкой Железовского. – А ну как она права?»

«Насчет нагуаля в Солнце?»

«Мы этот вариант не учитывали».

«Даже если его там нет, надо срочно объявить, что он есть. Это даст нам возможность спокойно искать базу эмиссара».

«Конгениально!»

МЕРКУРИЙ – СОЛНЦЕ – ЗЕМЛЯ

Голос Пустоты пробормотал что-то о «черных сапогах, соединяющих небо и землю Вселенной» и умолк.

«Он заболел, – грустно сказала Видана. – Неужели это правда, что из-за паутины нагуалей сигнал по «нервам» Вселенной передается с искажениями?»

Ставр промолчал, хотя сам подумал о Голосе с жалостью и сожалением, как о сошедшем с ума человеке. Поднялся на небольшой слоистый холм, откуда было удобно обозревать окрестности базы. Видана, которую так и подмывало спросить, о чем он говорил с Пайолом Тотом, отцом Тота Мудрого, прошла чуть дальше, до скопления ноздреватых зелено-бурых глыб, остановилась у длинного, идеально полукруглого и гладкого желоба.

«Смотри, что это? Похоже, кто-то бурил почву».

Ставр оглянулся. Девушка разглядывала аккуратную гладкую воронку в виде конуса, разрезавшую желоб. Казалось, воронка эта, как и желоб, – творение рук человека, настолько они были геометрически совершенны.

«Димпл-кратер. Когда метеорит сюда свалился, от сотрясения обрушился весь свод лавовой трубы, оттого желоб получился таким ровным».

Видана прикусила губку, перепрыгнула кратер и удалилась по коростообразным наростам почвы метров на сто. Как

и на Ставре, на ней был «бумеранг», открывающий голову и руки, так что казалось, гуляли они по земному парку в обыкновенных униках.

Край солнца с отчетливо видимыми крыльями протуберанцев освещал вершины близкой горной гряды, превращая их в прозрачно-рубиновые силуэты, и даже здесь, за линией терминатора, свет Солнца был так ярок, что ложился на костюмы, лица, ладони жидкой пленкой огня. Если бы не инк «бумеранга», регулирующий яркость поступающего к глазам света, на Солнце невозможно было бы смотреть.

Ставр понимал, что Видана жаждет узнать от него тему разговора с Пайолом Тотом, однако сообщить ей этого не мог.

В принципе, обстоятельной беседы не получилось. Отец Яна Тота был лаконичен и скор на выводы, так что вся их встреча длилась всего три-четыре минуты, Панкратов не успел даже рассмотреть спартанскую обстановку жилища глобалиста.

«Вы кое-что сделали, мастер, – начал Тот, довольно бесцеремонно разглядывая Ставра. При этом он пытался заглянуть в его мысленную сферу, но Панкратов тихо «свернулся в клубок». – Но пора от мелких дел переходить к крупным, предназначенным только для вас».

«Кем предназначенным?»

«Судьбой. – Пайол Тот остался невозмутим. – Судьба эрмов отлична от судеб других паранормов, вы должны это

чувствовать. Где-то я слышал полемику насчет интраморфов, якобы они – будущее человечества, люди, живущие в космосе более свободно и мощно. Так вот – это ошибка! Появление интраморфов – реакция социума на внешние раздражители, способствующая человечеству выжить. В каком-то смысле мы, паранормы, действительно более совершенны по некоторым параметрам, чем нормалы, но не более того. Мы – не вершина человечества, как утверждал в свое время архонт Всевече. И уже тем более эрмы – не есть будущее интраморфов, еще более совершенные, чем они. Эрмы – *воины*, предусмотренные ИМ, – кивок вверх, – Универсумом, чтобы человечество выжило в условиях жестко регламентированных Игр. Или Войн, если будет угодно. Понимаете?»

«Понимаю», – угрюмо ответил Ставр.

«Это я в продолжение мысли о судьбе. Теперь о ваших конкретных целях».

«Я привык получать задания от непосредственного шефа».

«Мальгрив подчиняется совету-2, а я – агемон совета».

«И все же, прошу прощения, я хотел бы услышать на этот счет мнение Джордана».

Пайол Тот некоторое время разглядывал каменное лицо Панкратова, и эрм на мгновение почувствовал Силу этого человека. Его друзьям можно было позавидовать.

«Вы индивер. – Это было утверждение, а не вопрос. – Да,

это наша общая беда – все еще слабое взаимодействие интеллекта и инстинкта. Человеческая индивидуальность слишком абсолютна, чтобы человек мог выразить себя во Вселенной. Она ему не нужна. Впрочем, он ей такой – тоже. Хорошо, не буду настаивать. Но послушайте хотя бы, что вам предстоит сделать в будущем. По шкале ВП эти задачи тянут на сто баллов⁷».

«Я и так догадываюсь».

«Ну-ну, это интересно».

«Выход на Лайа-центр эмиссара, нейтрализация эмиссара и его помощников, поиск Сеятелей и Конструктора. Нет?»

В глазах Тота проступило нечто напоминающее сдержанное уважение.

«Я не ошибся в вас. Единственное уточнение: эмиссаров у ФАГа много, каждый контролирует свой район. В Солнечной системе он один, по уровню решаемых задач равен эмиссару Тартара или Чужой. Все остальные известные вам дилеры – его помощники, в том числе и К-мигранты. Но есть эмиссары высших уровней: отвечающие за Галактику, за скопление галактик, за местный участок сетчатой структуры домена, за весь метагалактический домен. Даст Бог, мы и до них доберемся, но в союзе с друзьями, которых вы перечислили. Не увлекайтесь только нейтрализацией помощников эмиссара, это дело соответствующих служб. Всего доброго».

⁷ Шкала ВП – шкала важности, первоочередности и ответственности решаемых задач с максимальной оценкой в сто баллов.

Ставр повернулся, чтобы уйти, но вспомнил, что хотел спросить:

«Если вы видите так далеко... в чем причина Войны?»

Черты Пайола Тота смягчились.

«Вопрос познавателя. Но для того, чтобы понять причину Войны, надо взглянуть на нее со стороны, с такого наблюдательного пункта, которого у нас, увы, нет! Философ ответил бы вам, что, во-первых, термин «Война» не совсем корректен, что ее следует все-таки называть Игрой. Что, во-вторых, концепция Игры разработана не для того, чтобы в ней принимали участие люди, что мы втянуты в нее помимо своей воли и вынуждены бороться за жизнь. Философ расставил бы все точки над «и», но я не философ. Одно могу сказать с большой долей уверенности: в нашем регионе наступила временная стабилизация Игры. Следует ждать следующего хода Игрока, в нашем случае – ФАГа. Вам необходимо как можно быстрее пройти оптимайзинг и сделать Д-прививку, хотя... последнее может повлечь фенотипическую коррекцию... Но вы – воин, ратный мастер, а воин не должен страшиться неизведанного. Не так ли?»

«Спасибо, я понял», – сказал Ставр. Аудиенция закончилась...

«Ты о чем задумался так глубоко?» – донесся пси-голос Виданы.

«Не понимаю, почему Тот уверен, что именно я должен...»

«Что?»

Ставр окончательно осознал, где находится. В несколько прыжков приблизился к девушке, стоявшей на одной из оплавленных глыб в позе памятника.

«Что ты не понимаешь?»

«От какого древнего имени происходит имя Видана, – отшутился Панкратов, – от Идунн или Виртута⁸».

«Благодарю за комплимент, но говорим мы о другом».

«Не тяни меня за язык. Пайол Тот сказал, что я покончу с ФАГом, вот я и думаю – с чего это он взял?»

Видана засмеялась.

«Панкратов-младший в роли Демиурга – это круто! Не хочешь рассказывать, о чем вы говорили с Тотом, не рассказывай, но не ускользай, я тебя хорошо чую, эрм. Что будем делать дальше?»

«Красивый пейзаж, не правда ли?» – сказал Ставр.

Видана не рассердилась, только глянула на край Солнца.

Спустя час дороги их разошлись.

Девушка получила приказ Железовского и убыла на Землю для выполнения какого-то необычного эфанализа вместе с Забавой. А Ставр получил допуск на посещение центрального Меркурианского визуально-оптического и ЭМ-регистрационного комплекса, разглядывающего Солнце всеми

⁸ Идунн – богиня юности, владеющая модильными яблоками (сканд. миф.), Виртута – олицетворение воинской доблести, считалась спутницей бога войны Марса (древнегреч.).

доступными человеку средствами контроля. Услугами комплекса пользовались практически все службы Системы от Института погодного прогноза до транспортной и аварийно-спасательной служб. Отец Ставра отправился вместе с ним, и Ставр почувствовал прилив сил и желание действовать. Он никогда не думал, что это может быть так приятно – ощущать рядом надежное плечо отца.

В Бриарей, как называли комплекс наблюдения за Солнцем сами работники, входили, конечно, как наземные, так и космические станции слежения, антенные системы, телескопы, фиксаторы полей, счетчики частиц и локаторы, но все каналы и линии связи с ними сводились непосредственно к центральному зданию комплекса, расположенному на ночной стороне Меркурия, где царил почти такой же холод, как и на обратной стороне Луны, но полного мрака никогда не было из-за эффектов светопереноса. Газо-пылевая пелена Меркурия, которую называли его «атмосферой», была очень разрежена, однако ее плотности хватало, чтобы над ночной половиной планеты светился фиолетово-розовый колпак аврор-эффекта.

В Бриарей можно было попасть и через метро, но отец и сын во избежание лишних пересудов взяли аэр, включенный в опознавательную систему местной транспортной сети, и Ставр мог оценить и пейзаж вокруг комплекса, и само здание – гигантский километровый купол из чешуйчатого материала, напоминающего панцирь черепахи.

В зал управления они не пошли, а свернули в недра комплекса, предъявив инку охраны сертификаты допуска, предусмотренные по коду АА в соответствующем подразделении «контр-2». Опустились на нижний горизонт здания и вошли в малоприметную дверь с надписью: «Аварийный выход».

Открывшееся помещение было невелико и напоминало персональную зону контроля на базе контрразведчиков, да и функции выполняла эта зона аналогичные, разве что область контроля была иной. Аппаратура этого «второго центра» позволяла считывать любую информацию, поступающую в Бриарей со всех сторон, синтезировать и анализировать ее и давать карты прогноза поведения Солнца для нужд «контр-2». Но это не было единственной функцией центра-2, он мог проследить за перемещением любого аппарата в окрестностях Солнца или выявить его характеристики, портовую принадлежность и параметры перевозимого груза, а также мог заглянуть в недра Солнца для выяснения происходящих там процессов.

Мидель-кресел в помещении было семь, три пустовали, и Ставр с отцом заняли два из них. Включившееся инк-сопровождение дало им грандиозную панораму кипящего Солнца, и оба некоторое время просто рассматривали сердитый лик дневного светила, прежде чем войти в поле необходимой системы расчета и опознавания.

Инк выдал им данные по зафиксированным «узлам

сфинктуры» – районам солнечной поверхности, где регистрировались отклонения от нормальных состояний фотосферы. Узлов было около тридцати, и предстояло изучить их поведение, чтобы отобрать два-три для детального анализа.

Ставру делать это было легче, он имел соответствующее образование, подготовку и опыт ученого-физика, но Прохор владел более широким спектром интуиции и ориентировался в космосе свободно, поэтому к концу работы – через три часа с лишним – они сравнили выводы и остались довольны друг другом: оба отметили одни и те же районы Солнца с «импактным» уровнем – уровнем сильного локального загрязнения. Таких районов набралось четыре, но после недолгих сравнений и анализа Панкратовы остановили выбор на двух и дали инку задание сосредоточить внимание на них.

«Если база эмиссара не торчит где-то в одном из подозреваемых окон, – сказал Ставр отцу после возвращения на базу, – я съем собственный глаз».

«Если мы там ничего не найдем, – в тон сыну ответил Прохор, – я съем твой второй глаз. Но думаю, до этого не дойдет. Во-первых, в отмеченных нами районах торчат чужанские «дредноуты». Что они там ищут? Нечего им делать в Солнце, кроме как дожидаться команды хозяина».

«Ты думаешь, ФАГ закодировал и чужан?!»

«Кто знает его возможности? Факт налицо – чужанские спейсеры плавают в фотосфере Солнца. Во-вторых, температура экзосферы в этих местах намного ниже, чем в других,

что говорит о колоссальном поглощении энергии. В-третьих, там кучкуются солнечные «улитки», в которых ксенологи подзревают зачатки разума».

«Это не главные особенности, которым положено сопровождать базу. Эмиссар должен управлять деятельностью своих помощников и всех формирований в Системе, то есть иметь свою сеть связи и контроля. Почему же мы ничего не слышим?»

«Этого я не знаю. Ты физик, ты и решай. Может быть, он использует иные принципы связи, какие-нибудь высшие вибрации поля Сил, например, а не электромагнитный диапазон».

«Я подумал об этом, но это еще надо доказать. А метро? У эмиссара должен быть прямой выход на Землю, то есть канал метро».

Они остановились у входа в диннер-зал базы.

«Метро тоже использует принципы свертки пространства, – сказал Прохор, – вот и помозгуй, каким образом можно создать «сверхструну», чтобы ее нельзя было засечь нашими приборами. Зайди, поужинай, проголодался небось».

«А ты?»

«Поем позже. Вечером заскочишь, побеседуем».

Ставр хлопнул ладонью по ладони отца и проследовал в уютный зал столовой базы, где за некоторыми столиками сидели парами или поодиночке проголодавшиеся работники.

Биоритмы человека в отсутствие обычной смены дня и

ночи смещаются сначала к двадцативосьмичасовому суточному циклу, потом к сорокачетырёхчасовому, при котором сон длится не менее четырнадцати часов. Бывалые стармены, большую часть времени проводящие в космосе, вне Земли, а то и вовсе вне планет, так и живут: четырнадцать часов – сон, тридцать – бодрствование с восьмиразовым питанием, – но на всех поселениях человечества в космосе, имеющих метро, поддерживался земной распорядок дня и земная сила тяжести, потому что большинство работников поселений жило на Земле и, отработав смену, возвращалось домой.

На этой базе, принадлежащей секретной сети «контр-2», также поддерживался земной ритм жизни, хотя ее работники покидали базу редко.

Ставр выбрал свободный столик с видом на речку и луг, сделал заказ, стараясь ничем не выделяться, но поесть один не успел. В зал вошла Анна Ковальчук, старменша из команды Вивекананды, и сразу направилась к нему. Ставр не поверил глазам, но это была Анна, физик-фридмонолог и композитор, прелестная блондинка с модным Лебедь-украсом и ямочками на щеках, быстро краснеющая, виновато улыбающаяся и хрупкая. Ставру вечно хотелось защитить ее от кого-то, такое впечатление трогательной слабости и наивности создавала вокруг себя девушка. Почему она оказалась на базе «контр-2», было неизвестно, однако расспрашивать ее об этом Панкратов не стал.

Пужинав, они поднялись наверх, в парковую зону со

смотровой галереей, потом слушали музыку в каюте Анны, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не просочившийся в голову слоган отца:

«Быстро ко мне!»

Ставр никогда не задавал в таких случаях вопросы типа «что случилось?», считая их лишними, и сбежал от расстроившейся Анны, пообещав разобраться кое с кем и не задерживаться. Но к ней он уже не вернулся.

С Земли пришло сообщение об исчезновении на акватории Эгейского моря, в районе острова Крит, Виданы Железиковской и Забавы Бояновой.

По пути стало известно, как Боянова и внучка Железиковского оказались на Крите.

Аналитический центр «контр-2» располагался на острове Родос, замаскированный под обычную хозяйственно-административную штаб-квартиру одного из греческих номов – экономических районов. Сделав расчет, женщины решили устроить себе экскурсию по островам архипелага, многие древние города которого были восстановлены заново, и след их простыл после посещения Крита, известного как центр крито-микенской культуры, древнейший очаг культуры Европы, с его античными храмами, театром Софокла и Кносским дворцом-лабиринтом. Инк, сопровождавший женщин в поле опознавания (у Бояновой была рация «спрута»), потерял их во время перелета на аэре с Крита на соседний остров

Тира с действующим вулканом Санторин. В поле Сил Боянова не вышла, и даже Аристарх Железовский не знал, что с ней случилось.

Проконсул синклита ждал Ставра в порту Ираклиона, самого крупного города острова, возле восстановленной дорической колоннады храма Гефеста, окруженной рощей финиковых пальм.

Солнце еще не село, но уже клонилось к горизонту, и по земле стлались ровные гребенки теней от пальмовых стволов. Жара стояла под сорок градусов по Цельсию, но ни Ставру, ни Железовскому это не доставляло неприятных ощущений, оба умели регулировать обменные процессы и температуру тела.

«Они здесь были. – Аристарх угрюмо поведал историю своих поисков. – Я чую следы, но даже в поле Сил никого не слышу. Не могли же они прямо отсюда махнуть на метро к звездам? Но даже в этом случае я бы услышал Забаву...»

Ставр задумчиво прошелся вдоль колоннады, остановился возле входа в акрополь, стены которого были сложены из огромных каменных квадров. Выходить в поле Сил не спешил, настраивая себя на глубокое проникновение и высокое напряжение своего сверх-Я. Он тоже чувствовал, что Видана была здесь с бабкой, но никаких тревожных ассоциаций при этом не возникало.

«Прикройте меня. – Ставр присел на львиную лапу; скульптуры двух огромных львов украшали вход в акро-

поль. – Я выйду в Большой эйдос».

С этой мыслью Панкратов резко ускорил темп жизни и вышел в энергоинформационное поле Земли, сразу превратившись в гигантское миллиардное и многотелое существо, сердцем которого была вся планета. Колоссальный объем информации обрушился на голову эрма, и даже с его сверхреакцией и скоростью обработки, почти не уступающей скорости инка, было чрезвычайно трудно разобраться с этой информацией, отсеять ненужное и прошагать по «этажам» эйдоса, углубляясь в ту область знания-чувствования, которая приближала его к цели.

Через минуту он вылетел «на поверхность» сознания, как ныряльщик из-под воды, жадно ловя ртом воздух, почти обессилевший, потерявший большое количество энергии. Осознал, что сидит на ступеньке мраморной лестницы, а Железовский придерживает его за плечо. Сказал с бледной улыбкой:

«Человек, к сожалению, не готов к восприятию эйдоса на уровне поля Сил».

«На, хлебни». – Аристарх сунул в руку Ставра жестянку с тоником. Тот в два глотка осушил жестянку, на взгляд Аристарха отрицательно качнул головой:

«Их нигде нет. Вернее, они ушли с острова, и над морем их след пропал, оборвался. Этому может быть только одно объяснение...»

«Абсолютное зеркало». Их неожиданно перехватили и

спрятали под колпаком «зеркала». Только стена поляризованного вакуума недоступна пси-зрению. А если их переправили на машине с «зеркальным слоем» в космос?»

«Нет, я чувствую, что «зеркальный» объект здесь, на море. Надо вызвать звено тральщиков со спецаппаратурой и прочесать акваторию моря, коридор я укажу».

«Хорошо. – Аристарх решал быстро. – Я свяжусь из аналит-центра с Джорданом и объясню ситуацию. Жди здесь, восстанавливайся, я скоро».

Железовский исчез за линейкой пушистых сосен, мирно уживающихся с финиковыми и банановыми пальмами, и через мгновение птеран унес проконсула в глубь острова. Ставр подождал немного, вызвал такси. Просто сидеть и ничего не делать он не мог.

Над морем, даже на достаточном удалении от берега, «мела метель» аэров, птеранов и просто летающих на антиграв-поясах туристов, компаний отдыхающих людей и веселящейся молодежи, презирающей правила полетов и просто хорошего тона. И Ставр мимолетно подумал, что, даже если завтра по всеобщему информвидению объявят о начале войны, мир все равно будет веселиться, шутить, смеяться, шуметь и жить так, как привык, глубоко равнодушный к самому себе и судьбам народов.

На полпути к острову Тира воздушные транспортно-прогулочные потоки поредели, все же само море не являлось объектом туристического поклонения или экспонатом му-

зая. Зато внизу все чаще проплывали комфортабельные морские лайнеры, круизные ватербусы, платформы, парусные суда и базы глубоководного туризма. Что толкнуло Ставра снизиться и пройтись над одной из таких баз, он и сам не знал. Но потом пришло ощущение *узнавания*, и он не раздумывая посадил аэр возле стада ярких машин на финиш-поле платформы с тремя куполами морских лифтов, ресторанным комплексом, солярием и бассейном с пресной водой, полными бронзово-загорелых тел и красочных пляжных витсов, обслуживающих эти тела.

УРОВЕНЬ-5

Ставр медленно прошелся по галерее, опоясывающей пляжную зону с бассейном, прислушиваясь больше к себе, чем к звучащей многоязыкой речи вокруг. Он знал все тринадцать языков, входящих в группу «великих», на которых разговаривало большинство народонаселения Земли: китайский (три миллиарда), английский (миллиард), русский (тоже миллиард), а также хинди, испанский, немецкий, французский, бенгали, индонезийский, португальский, итальянский и арабский и, кроме того, интерлинг, – но здесь, на элитарном плоту комфортной базы отдыха, разговаривали, по крайней мере, на трех десятках языков. Расстояния в век мгновенной транспортировки не имели значения для решения задач отдыха, как, впрочем, и языковые барьеры. В общественных местах всегда можно было найти виста-лингвера и пообщаться с любым человеком, даже если тот был немым.

За Ставром в отдалении следовал патруль охраны порядка – двое рослых парней в «бумерангах», замаскированных под кисейно-прозрачные костюмы для предотвращения загара (многие предпочитали иметь естественный цвет кожи), но для Панкротова эти двое опасности не представляли. Его влекло к одному из куполов герметириума, откуда желающие полюбоваться красотами глубин моря ныряли в эти глубины

в пузырях-батилайтах.

Ничего подозрительного не обнаружив, Ставр ленивой походкой пересек пляж и остановился под козырьком входа в купол герметириума. Вошел в поток Сил и несколько мгновений *шевелил* своим усложнившимся мозгом в поисках психа Виданы и Забавы и наконец услышал тихий, на грани дуновения ветра, отзвук пси-резонанса. Отзвук был слаб и больше не повторился, но Ставр уже понял, что он на верном пути. Теперь предстояло найти помещение, для каких-то целей окруженное слоем «абсолютного зеркала», и попытаться проникнуть внутрь. А там посмотрим, подумал Панкратов с холодной угрозой.

Он обошел все три зала герметириума с кабинами подводных лифтов и боксами для «выдувания» пузырей для подводного плавания. Желających понырять было много, автоматы едва справлялись с очередями, но обслуживающий персонал был невелик – по одному оператору на зал и один медик на весь герметириум. Медика Ставр и решил побеспокоить, потому что его внезапно заинтересовал отсек «Скорой помощи», объем которого занимал почти треть герметириума.

Что-то здесь было не так. Для серьезного лечения внезапно заболевших отдыхающих такие отсеки не готовились, достаточно было всунуть их в метро и доставить в клинику на материк, а для снятия стресса, солнечного удара, опьянения или насморка достаточно было предусмотреть на

платформе пятиметровую кабинку с медицинским комбайном. Этот герметириум имел настоящий медцентр с какими-то сложными энергетическими установками, информационным комплексом и отдельной башней для приема аэромашин. Времени на запрос в информарий управления – зачем морской базе отдыха такой медцентр? – не было, и Ставр решил выяснить это на месте.

Его спасли два обстоятельства: отсутствие какой-либо охраны отсека, что заставило его насторожиться и напрячь пси-резерв, и опыт фантоматического моделирования, которым он занимался в свободное время. Потому что вход в медотсек оказался входом в фантоматический генератор, моделирующий виртуальную реальность. Такие генераторы были запрещены, потому что не гарантировали участникам игровых комбинаций надлежащей безопасности, угрожали здоровью и зачастую приводили к сильнейшим нервным расстройствам, а то и к смерти игроков. Но подпольные игровые синдикаты использовали подобные генераторы, не обращая внимания на такие пустяки, и народ, жаждущий «хлеба и зрелищ», валил к ним валом, чтобы пережить небывалые ощущения.

Этот фантом-комплекс был создан для отдыхающей элиты, не для массового использования, и окружен «абсолютным зеркалом», что делало его практически неуязвимым. Ставр вышел на него случайно, благодаря единственному несоответствию в защите генератора – чрезвычайно боль-

шому внутреннему объему. Однако контрразведчик очень хорошо помнил знаменитый афоризм Плавта: неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

Ему дали войти в игровую зону беспрепятственно, что означало – его узнали. Выйти из зоны теперь было очень сложно, и только великолепное знание принципов моделирования, техники внушения и приемов «ухода в иную реальность» помогло Ставру сразу отсечь себя от игрового инка. Он знал, что фантоматический генератор способен дать огромное количество разнообразных безусловных реакций, вполне адекватных действительности, в ответ на различные комбинации внешних раздражителей. Даже интраморф в большинстве случаев не в состоянии отличить галлюциногенную жизнь внутри генератора от настоящей, обычный же среднестатистический гражданин ловился в сети иллюзора надежно и после игры был на сто процентов уверен, что все происходило с ним наяву. И чтобы не попасться в сети «сверхреального» бытия, Ставр вынужден был отключить сознание, перейти на экстероцепторное⁹ зрение и, постоянно вводя коэффициент ошибочного восприятия, сопровождать свое Я в запредельном состоянии.

Генератор использовал сценарий «широковариантной интеллигибельности», то есть внушал каждому игроку то, что тот хотел видеть и ощущать. Для Забавы Бояновой и ее внучки он создал неотличимый от реального подводный лаби-

⁹ Экстероцепторы – чувствительные окончания активных точек кожи.

ринт, в конце которого ждали освобождения захваченные эмиссаром ФАГа Аристарх Железовский и сын Забавы, он же отец Виданы, Веселий Железовский. Ставр вошел в игру в тот момент, когда женщины «пробились» во второй круг лабиринта, уничтожив команду витсов и их руководителя-нормала.

Глаза и другие человеческие органы чувств говорили Ставру, что он тоже находится под водой, в тоннеле, ведущем куда-то в недра подводного хребта, но параллельное Я отмечало все тот же игровой зал герметириума с десятком комнат и коридорчиков, имитирующих сложное хозяйство игровых зон для всех игроков.

Видану и Забаву Ставр нашел в одной из таких комнат, закутанных в опухолевидные коконы систем гипервнушения.

Таких систем он еще не видел, они по сложности и мощи гипнополя превосходили все созданное людьми, но и комплекс предварительного ввода в «инореальность» был достаточно мощен, чтобы увлечь таких сильных интраморфов, как Боянова, внушить им чужой сценарий и довести до полного капсулирования пси-сфер. Было жутко смотреть, как ноги и руки женщин подергиваются в такт их «действиям» в том мире, где они сейчас жили. Глаза их были открыты, но ничего не видели, вернее, видели внушаемую картину: подводный коридор с отблескивающими перламутром стенами, морских чудовищ, бросающихся в атаку, тупики с ловушками, подводные аппараты, норвящие захватить пловущих

или расстрелять их из лазеров, витсов, бросающихся со всех сторон, и тому подобную дребедень. Но... женщины жили в этом тоннеле, сражаясь по-настоящему, потому что их целью было освобождение близких, мужа и отца.

Времени на постепенный «спуск» программ у Ставра не было, он чувствовал, что за ним пошла охрана генератора, поэтому он сделал единственно возможную в этих условиях вещь – отстрелил кабельные подводы к опухолевидным коконам гипносистем. Резкий выход из игры грозил женщинам шоком, «бунтом» вегетативной и соматической систем, но дальнейшее промедление означало потерю темпа и в конце концов проигрыш.

Теперь осталось добраться до игрового инка и активировать его программу свертки генератора, а по пути выяснить, откуда здесь такие необычные устройства и кто за всем этим стоит.

Две лазерные вспышки пронзили мрак помещения, отрезая коконы с женщинами внутри от «журавлиных шей» машинного ввода. Ставру показалось, что он пережил болезненные встряски организма наравне с Виданой и Забавой. Однако задерживаться здесь не стоило даже на секунду, и он метнулся в коридор... чтобы встретиться лицом к лицу с целой обоймой кайманоидов и охранников в «хамелеонах».

И снова подсознание сработало раньше, чем сознание успело проанализировать ситуацию и дать рекомендации. Обойма охранников оказалась уловкой фантомата, иллюзии-

ей, почти неотличимой от реальной группы людей. Из четырнадцати «единиц опасности» только двое были настоящими людьми, запакованными в спецуники с гермошлемами, отсеивающими пси-образы генератора. Их Ставр нейтрализовал походя, в стиле «гризли», вдребезги разбив шлемы и надолго оглушив парней.

Как Ставр и предполагал, центральный конфигурактор инка располагался в центре герметиума, в круглом помещении с тремя входами, охраняемыми витсами. Уничтожив все три плавающих «ската», чтобы не ждать выстрела в спину, Панкратов проник в помещение и остановился, узрев возле пульсирующей огнями колонны инка черную фигуру.

«Привет, эрм, – прозвучал равнодушно-ироничный психологос. – Ты достаточно серьезный противник, надо признать-ся».

Вспыхнул дневной свет.

На Ставра смотрел К-мигрант Анатолий Шубин. Лицо его было неподвижно и ничего не выражало, но в глазах с тремя зрачками тлела угроза и надменное высокомерие.

«Ты хорошо сопротивляешься на уровне «один на один», – продолжил Шубин, – и мы примем это к сведению, чтобы не повторять ошибок. Но справишься ли ты с пси-массивом эгрегора, с атакой на уровне пси-ливня?»

И на голову Ставра упала гора эгрегорной пси-эмиссии...

Удар сконцентрированного пси-поля был страшен! Он смел остатки сознания, как ураган – перекаати-поле, загнал

душу Ставра за тридевять земель, в бездонную пропасть, лишив его воли и желания жить, остановил работу спинного мозга, ответственного за нормальное протекание физиологических реакций, превратил человека в засохшее дерево с голыми растопыренными ветвями, в соляной столб, в статую из хрупкого стекла, начинавшую осыпаться с тонким звоном... Одного только не смог задавить этот колоссальной мощи пси-импульс – зова цели! И этот зов начал заново формировать личность воина, выполняющего стандартную задачу выживания...

Процесс был долгим, он занял около трех десятых секунды, но еще раньше, в «просвете» между черными стенами чужого излучения, Ставру удалось на мгновение «всплыть» и выстрелить в свечу игрового инка. Дальнейшие события он помнил смутно, отрывками.

Кажется, он дрался с Шубиным и даже стрелял в него, потом сражался с отрядом охраны базы отдыха, уложив человек шесть, уничтожил витса и кайманоида и даже пытался захватить чужанина, оказавшегося галлюцинацией. Последнее, что он помнил, было связано с шумным появлением гигантской фигуры Железовского, ворвавшегося в герметизиум с облойкой поддержки и погранпатруля. Но К-мигрант Шубин к этому моменту успел сбежать и уничтожить при этом весь объем памяти инка...

Лечили всех троих в том же бункере под Тибетом, где

недавно лежал Левашов. Правда, слово «лечить» к процессу восстановления интраморфов не подходило, хотя кое-какие первоначальные процедуры, проведенные инком медицинского комбайна, помогли пострадавшим преодолеть шок и справиться с болью.

Ставр пришел в себя раньше женщин, несколько минут регулировал работу внутренних органов, пока не почувствовал себя лучше, и только потом глянул на соседние флайт-кровати, где лежали спасенные. И встретил затуманенный взгляд Виданы.

«Спасибо, эрм, – сказала она с какой-то отрешенностью, прислушиваясь к себе. – Говорят, тебе удалось вытащить нас с бабулей вовремя. Век себе не прощу! Как ты нас вычислил?»

«По запаху, – проворчал Ставр. – Духами «Русь-шарм» пользуешься только ты».

«Мне это, кажется, кто-то уже говорил... не важно... Представляешь, я попалась как девочка!»

«Ты-то ладно, – вмешалась в разговор, не открывая глаз, Боянова. – Но мне, старой дуре, следовало бы сообразить, в чем дело! Спасибо, Ставр, всю жизнь молиться буду!»

«Не за что». – Панкратов медленно встал, обнаружив, что лежит в чем мать родила. Не обращая внимания на веселый взгляд Виданы, нашел чистый уник в стен-шкафу, оделся и, пожелав женщинам скорейшего выздоровления, вышел в соседнее помещение бункера, в его «гостиную», где вели бе-

седу Левашов, Ратибор Берестов, Баренц и Аристарх Железовский.

Все четверо замолчали и принялись внимательно разглядывать разведчика, словно он сделал что-то предосудительное, так что Ставр даже почувствовал себя неловко.

«Извините, что нарушил ваш тэйбл-ток¹⁰», – сказал он.

– Садись, – гулко взломал тишину Железовский, послал по воздуху пузырь со стаканом тоника. – Выпей, это амброзифор. В состоянии рассказать, что там произошло?

Ставр сел рядом с Ратибором, в сфере чувств которого было гораздо больше теплых оттенков, чем у остальных, выпил тоник и коротко рассказал историю своего сражения с фантом-генератором.

На этот раз молчание длилось дольше. Первым его нарушил Берестов:

«Ты уверен, что встретил Шубина?»

Ставр некоторое время размышлял, восстанавливая в памяти подробности своего рейда. Утвердительно кивнул:

«Несомненно это был он. По-моему, я дрался и с кайманомидом, но не уверен, что это была не иллюзия».

Ратибор посмотрел на Железовского.

«Может быть, там был и кайманомид, – сказал тот, – но проверить невозможно. Шубин сел в «голем» и ушел на орбиту, где его ждал драккар».

«В герметириуме находился «голем»?! – не поверил

¹⁰ Застольная беседа (англ.).

Ставр. – Почему же я его не почувл?»

«Потому что Ф-террористы тоже предпочитают использовать новейшую земную технику с «А-зеркальным» слоем. Вероятно, они хотели посадить Забаву с Виданой в «голем» и перенести на свою базу, но не успели».

«Сами заигрались, что ли?»

«К-мигранты всегда недооценивали людей, к тому же они любят разного рода эффекты и длинные разговоры».

«Но почему Забава клюнула на их удочку?» – воскликнул Ставр.

«Как было не клюнуть, если мы совершенно четко увидели, что здесь попали в засаду Аристарх и Веселин!» – ответила из-за стены Боянова.

«Это уровень-5, ребята, – добавил Железовский, – понимаешь, о чем речь, контрразведчик? Ф-террористы использовали массивную поддержку эгрегора, с излучением которого наша защита не справляется. До сих пор не могу поверить, что ты уцелел!»

«Верь, чтобы понимать, – сказал Баренц, с недавнего времени потерявший свою энергичную деловитость. – Есть такой античный афоризм. Плохи наши дела, коллеги. Еще не разобрались окончательно со смертью Ги Делорма, а уже новая напасть – эгрегорное нападение, да еще вдали от ареала, места дислокации самого эгрегора».

«А что, известно, какой именно эгрегор был использован?» – спросил Левашов.

«Южномусанский, но с ядрами исламита и малазийской группы».

«Значит, Шан-Эшталлан и Алсаддан?»

«Без сомнения».

«Ничего, – снова вмешалась Забава Боянова. – Вот оклемаемся с Даной и возьмемся за эту эгрегорную задачку. Если Ф-террористы смогли решить задачу управления эгрегорным полем, сможем и мы».

Баренц встал.

«Я пошел, меня ждет Велизар. Очень рад, что все кончилось благополучно. – Он пожал руку Ставр. – Молодец, эрм! Так держать. Мы на тебя надеемся».

Встал и Левашов.

«Пора и мне за работу. Вот будет сюрприз Барковичу!»

Они ушли. За ними покинули бункер Железовский и Боянова, засобирались и Берестов, с некоторым сомнением разглядывая внука.

«Баркович потребовал голову Аристарха...»

«За что?»

«За последнюю шутку. Дед Виданы отдал приказ десантировать обойму погранпатруля в район Эгейского моря от имени командора».

Ставр засмеялся. Ратибор похлопал его по плечу.

«До связи, мальчик. Побудь здесь, поухаживай за дамой, отдохни, завтра у нас будет трудный день».

Ушел и он. Ставр прислушался к тишине в соседней ком-

нате, но ничего не услышал. Обеспокоенный, он вошел в помещение медкомбайна и был встречен поцелуем слегка ослабевшего, но – урагана по имени Видана Железовская...

К вечеру стали известны подробности применения засады уровня-5, подготовленной слугами ФАГа в Эгейском море на одной из морских баз отдыха. Засада не предназначалась конкретно для Бояновой и Железовской, женщины попали в нее случайно, однако лишь вмешательство Ставра Панкратова позволило им выйти живыми из безнадежной ситуации и раскрыть качественно новый принцип нападений ФАГа на интраморфов, а также высветить уровень применения поля эгрегора.

Аналитики «контр-2» имели достаточно материала, чтобы вычислить всех действующих лиц в истории с фантоматическим генератором. Ставр выбрал два имени и поделился соображениями с Виданой. С шефом советоваться не стал, зная, что тот не даст разрешения на акцию. Но терпеть удары больше не хотелось. По мнению Виданы, да и его собственному, эмиссар Фундаментального Агрессора окончательно зарвался, и его следовало осадить. Тем более что на следующий день предстояло штурмовать его базу, торчашую занозой в Солнце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.